

Научно-образовательный фонд «ASPANDAU».

**Дискуссионный клуб THINK TANK ASPANDAU:
«Художественное познание и проблемы практической реализации:
перспективы и современное состояние образовательной сферы»**

29 июля 2022 г.

*Алматы, отель «Казахстан»,
зал «Алтын Емель».*

Спикеры:

Нурдубаева Асия Руслановна – кандидат архитектуры, доцент кафедры Живописи скульптуры и Дизайна КазНАИ им.Жургенова;

Кагаров Эркен Медатович – дизайнер, художник, урбанист, педагог, член Союза дизайнеров России, Московского Союза художников, Академии графического дизайна, художественного совета при Архсовете Москомархитектуры и Совета по общественным пространствам Сколково;

Балабанова Юлия Сергеевна - эксперт по инновационным образовательным системам, тьютор, руководитель тьюторского центра «Сам-Сам».

Участники дискуссии:

Бекибаева Гульнар Джамбуловна – доцент кафедры Мода и дизайн костюма КазНАИ им. Жургенова, член Союза дизайнеров РК;

Мехрибану Бекримжановна Глаудинова – доктор архитектуры, академический профессор, декан Факультета Архитектуры МОК КазГАСА;

Гайни Чагатаева – художник;

Пшенаева Эльмира Болатхановна - старший преподаватель КазНАИ им. Жургенова, магистр искусствоведения;

Ахметжанова Айнур Муратовна - старший преподаватель КазНАИ им. Жургенова, магистр искусств;

Светлана Жумасултановна Кобжанова – зам. директора по научной работе ГМИ РУ им. А. Кастеева. Заслуженный деятель РК, кандидат искусствоведения, член АiСА, член Союза художников РК;

Алия Сабырова – кандидат искусствоведения /PhD/, профессор Казахской национальной консерватории им Курмангазы;

Исходжанова Галина Рашетовна – профессор факультета архитектуры МОК КазГаса, кандидат архитектуры;

Гульнара Абикеева – доктор искусствоведения, профессор AlmaU;

Мөлдір Нүрпейіс Ерболатқызы – Доктор PhD, старший преподаватель кафедры Дизайн КазНАИ им.Т.Жургенова

Жумагалиев Муслим Садыкович – заслуженный деятель искусств, член С оюза дизайнеров РК, заведующий кафедрой Мода и дизайн костюма КазНАИ им.Т.Жургенова

Кулманова Назира Кадыровна – доктор технических наук, профессор .

Шадьяров Артур Серикович – сеньор-лектор АСАиД Каспийского общественного университета

Донченко Семён Александрович – ассистент профессора АСАиД Каспийского общественного университета

СТЕНОГРАММА.

Асия Нурдубаева:

Всем хорошо слышно я надеюсь. Я рада приветствовать вас не только своим голосом и своим лицом, но и от фонда Аспандау. Мы с вами видим здесь председателя - Арнура Арыстановича Нуркатова. Это фонд, который занимается очень многообразными благотворительными делами и в отношении образования в фонде сложилась своя политика.

Это уже второе совещание или встреча на эту тему, и, насколько нам всем понятно это становится уже такой хорошей традицией, тенденцией – встречаться и говорить об образовательной сфере потому что это, конечно же, начало большого инновационного пути потому что мы все знаем насколько это очень важная сфера прогресса. Поэтому сегодня мы сделали такой формат: у нас круглый стол (он правда П-образной формы) и пригласили тех, кто не убежал из города в такую жару, и согласился поучаствовать. Здесь есть и художники, и архитекторы, и дизайнеры, искусствоведы, музыковеды, журналисты, киноведы и технических наук доктора. Такая хорошая компания. В такой, я надеюсь, атмосфере дружбы и понимания мы продолжим нашу работу. И мне хотелось бы сказать, что сам по себе круглый стол – это такая форма жизни, скажем, когда профессионалы встречаются, обмениваются мнениями и всегда интересно послушать какую-то основную заглавную идею. Мы сегодня пригласили поучаствовать двух гостей, которые приехали из России – это Эркен Кагаров, он будет у нас спикером. Второй спикер — это Юлия Балабанова. Она тоже из России. И

это сделано осознанно, потому что мы все, хоть и являемся людьми артистической сферы, но мы всё же имеем совершенно разные точки зрения на ситуацию и поэтому сейчас я официально объявляю, что [круглый стол на тему:] «Художественное познание проблемы практической реализации перспективы и современное состояние образовательной сферы» мы будем считать открытым. И первое о чём хотелось бы сказать – в предыдущей нашей встрече почувствовала философ Альмира Бекетовна Наурзбаева (мы все её отлично знаем – она культуролог) – она как раз сказал одну очень хорошую позитивную мысль, что как раз не хватает нашему обществу вот этого гуманитарного дискурса, когда мы в образовательную сферу должны вводить какие-то другие дисциплины или развивать это видение. И поэтому вот та ситуация, которую мы видим у наших соседей в России, как раз, я цитирую Альмиру Бекетовну, она как раз и привела вот к такому состоянию разрозненных мнений (мы их не будем никак определять), но это – как раз нехватка гуманитарного фокуса в образовании. Поэтому мы задумались о том, что это очень важная вещь, которая необходима и Казахстану.

И здесь представлены преподаватели из разных вузов, которые в художественной сфере работают. И надо признать, что философы и художники они всегда двигают прогресс, то есть это та самая страта, на которой в общем-то основывают все свои экономические, политические и другие достижения общество. Ну что ж, я тогда, наверное, начну. Это мой первый доклад, потом у нас будут [выступать] Эркин Кагаров и Юлия Балабанова. Спасибо.

Давайте я начну уже с другого места. Ну вот у нас существует такая преамбула - учёные футурологи они всегда стремятся на основе стратегической аналитики и прогнозов определить будущее глобального человечества и выделить ключевые приоритеты, которые способны обеспечить масштабные социальные позитивные цели, и заодно активизировать творческий потенциал человека. Казахстан ещё не успел перейти от постиндустриального общества к информационному, а уже возникло (вот тут Дана Шаяхметова как раз сидит – она большой специалист в этой области) значит. Как инновационное общество к нам пришло? Так внезапно это всё объявилось. Я хочу сказать, что конечно же это – опережающие тенденции, которые нам ещё не ведомы, но возможно их уже кто-то разрабатывает и они когда-нибудь дойдут и до нашего понимания, конкретно до каждого из нас. Поэтому названы три основных элемента, которые формулируют инновационное общество – образование, исследование и инновации. Ну вот я тут написала, что это под моей фамилией Нурдубаева Асия Руслановна и тут какой-то вот такой макетик. Я этим хочу сказать, что у меня существует своё собственное понимание этого вопроса и оно у меня зародилось давно, и я надеюсь, что в регламенте нашей работы, вы, когда будете слушать, будете записывать вопросы и потом

зададите, потому что сразу мы, наверное, не будем их задавать докладчикам, а где-то в конце, после того как все спикеры выступят.

Ну вот давайте посмотрим. Смотрите – образование, исследования, инновации. Ну вот что с образованием, как его понять – это такое рефлексивное размышляющее восприятие и знакомое пространство, которое мы определяем через природу. Но есть ещё другое пространство, которое мы бы назвали «знаниевое пространство». И возможно от одного пункта к другому перейти через некие исследования. И когда эти исследования начинаются, начинается такая архитектура действительности, и человек в своей исследовательской деятельности начинает пробовать разные вещи, инновации. Но всё это упирается вот в эту пространственную цельность. Почему это всё мне интересно, потому что я архитектор и меня интересует, в принципе, пространство как глобальное явление. И поэтому, когда человек начинает заниматься вот такой деятельностью, он начинает для себя открывать какие-то явления и возникают вот эти инновации или пространство свободы, «простор» называется или первофеномены. Но, в какой-то момент мы все играем в культуру: красным я показываю то, что происходит с человеком, когда он сообразно своим эмоциям начинает опознавать мир. То есть существует игра в культуру, есть стимулирующие мотивации и собственно исследовательская деятельность. Любой творческий человек может это сказать. Вот тут такой у меня подход: я взяла ту же композицию, но вот, смотрите, основное здесь – художественный талант. Мы все обладаем художественным талантом, мы все здесь сидящие, прошли профессиональное образование и у всех есть некое мастерство. Нет людей, которые не талантливы, просто они выбрали какую-то не столь яркую деятельность чтобы называться допустим артистами. Но сейчас вот эта иллюзия реальности, с которой работает любой художник, он точно так же играет в собственную культуру, точно так же имеет стимулирующую мотивацию, точно так же имеет размышляющее восприятие, но здесь возникает на каком-то этапе вот это синкретическое или самостоятельное восприятие (если профессиональное образование не дает ему чёткого направления). То есть существует вот это стремление к прекрасной оболочке. (Я специально оставила какие-то белые пятна потому что не всё нам понятно, что собственно делать). И вот я хотела вам сказать, что основным для меня является это – познавательная потребность. Философ Аверинцев так определил: «Надо будет признать симвонологию не научной, но инонаучной формой знания, имеющей свой внутренний закон и критерии точности».

Ну хорошо. Метапознание. Метапознание – то есть в нашей каждодневной деятельности преподавательской мы можем ориентироваться на метапознание или симвонологию. Значит там [в презентации] были рисунки, связанные с метапознанием, то есть с тем, что я на своих занятиях играю в собственную культуру. Что это такое? Зачем это нужно? И вообще почему я этим болею? Это возникло не так просто – игра в собственную культуру, то

есть это совершенная тайна для всех нас. Нам кажется, что нас отделяет некая временная и пространственная граница от того культурного бэкграунда, который как будто бы есть у других казахов, есть у других тюрков. Но есть такие первофеномены, которыми определяется пространство (здесь вот они, я даже не знаю, не прорисовались, очень жаль, и тут тоже, надо было заранее посмотреть). Я занималась вот этими первофеноменами, то что связано с кииз уйем, то что связано с пространственностью вообще, как тюрки структурируют пространство, как они к этому приходят, и там казан не является просто вещью – он становится символом пространства, он распространяет свою пространственность на космос, то есть там замешана ориентационная система. И вот в этом творческом познании со студентами мы начинаем исследовательскую деятельность. И вы видите тут макеты, которые может быть не очень хорошо сейчас здесь смотрятся, даже вообще не привлекательно, но это такой надабстрактный уровень, к которому мы приходим занимаясь. То есть происходит вот та символизация или переход на другой язык. И цель таких занятий — это переход образа в символ. То есть на каком-то этапе это возможно – объяснить, что казан можно сделать разными пространственными... (картинки не видно.) Существует некий концепт структурирования пространственных систем. Когда у нас есть казан, у него есть 4 ушка, у него есть 3 ножки и они все ориентированы по сторонам света, там существует правила воспроизводства. Это такой компас внутри кииз уйя (кииз уй – это юрта в русскоязычной литературе). И получается, что мы всё время работаем с пространством и пространственностью. Существует время-казан, существует место-казан (вы знаете город Казань есть – это всё из одного ряда события). Такие пространственные концепты начинают прорабатываться на занятиях. То есть мы вступаем в эру динамической передачи знания от преподавателя (то есть из уст в уста) к студенту. И это позволяет понять целостность культуры в пространственных представлениях, но макетным способом. То есть мы создаём некий язык. Это библиотека смыслов. Потом у нас существует так же предпарадигмальный уровень. Что это такое? Это когда мы понимаем, что по-другому выстраиваем пространство. Начинать на мой взгляд архитектурные, дизайнерские, какие-то [иные творческие] занятия нужно, наверное, с определения той самой, о чём говорят, идентичности, но в культурном отношении. То есть мы создаём сферическую модель или концептосферу культуры тюрков. Она в прямом смысле сферическая. Та культура, транслирующим центром которой для нас была Россия, она имеет ортогональную систему – это Декартова система, с которой мы хорошо знакомы со школы, это такой куб. И мы так привыкли к этой геометрии, что уже даже не понимаем где заканчивается одна парадигма и начинается вторая. Но, как ни странно, это не наше, в культуре это не воспроизводится – в культуре воспроизводится сферический тип. Я его так и называю – сферический тип культуры.

Основное это – переход образа в символ и преобразование. Собственно, все архитекторы и дизайнеры так и учатся. Преобразование формы с

двухмерности в трехмерность – это наша главная задача, потому что к нам приходят студенты, у которых не развито пространственное мышление, но мы упражнениями заставляем выйти их на объёмное мышление (возможно так же и в музыке это есть) и научиться оперировать такими абстрактными моделями в трёх и n-мерных операциях. Но я хочу сказать, что, когда я посмотрела, что та болонская система, которую мы критиковали на прошлой нашей встрече, имеет около 20 видов грамотности. Из этих 20 видов грамотности я выделила научную, информационную и культурологическую. Таким образом, значит, предпарадигмальный уровень, то есть – многомерность пространственной картины. До нас это делали Вернадский, Циолковский, Лотман, ну и собственно вот создана такая всемирная какая-то модель она называется «интернет». Мы видим круг Ноосферы Вернадского, Космоноосферы Циолковского и Семиосферы Лотмана. Семиосфера Лотмана сейчас активно разрабатывается в научной картине мира, то есть это семиология или такая система представления культуры в символах. И если взять этот язык, то студенты очень хорошо воспринимают как мы символизируем пространство. И собственно сейчас любая тема, которая разрабатывается в дизайне, в архитектуре, она всегда содержит некий дискрипт или первомиф о том, как создавалась форма, как она пришла к маэстро и что он думал, какие у него были эмоции и т.д. Это такой вот первомиф о форме. Собственно говоря, с этого всё и начинается. Курс позволяет выравнивать состояние боязни, иметь собственное суждение, заронить интерес к самостоятельной проработке этих направлений познания в пространственной сфере без персонализированных авторитетов и готовых образов как аналогий. Чем мы отличаемся; почему я об этом говорю? Потому что всё обучение – линейное и болонское (кредитное) – оно построено на образцах, на подобию, т.е. мы всё время кому-то подражаем, всё время развиваем некое шаблонное мышление «делай так и у тебя будет хорошая оценка». Где-то сам процесс осмысления теряется. Ну вот посмотрите - Макеты как форма познания. Есть такое понятие, как мышление руками. Это очень древняя форма жизнедеятельности. Когда-то так семиотики считали, что люди ещё не разговаривали, но уже создавали руками какой-то язык жестов и вроде как он в рудиментарном состоянии до нас дошёл. Вот тут вы видите замечательных студентов. Это на выставке. И вы сами видите уровень абстракции этих макетов. Вы видите насколько здесь обобщённые абстрактные формы. Это – шанырак. Давайте дальше двигаться. Кииз уй или юрта. Когда ты читаешь о структурах, то эту троичную структуру студент очень хорошо понимает и вот так интерпретирует. Образ троичности – алгоритм или треугольник. Образ семиосферы казахов. Конечно же я им объясняю, что такое семиосфера. Преподавателей, с которыми я встречалась, например, из Баку, я спрашивала: «А читаете ли вы про семиотику студентам?». [Они отвечали:] «Что вы! На 3 курсе рано». Я говорю: «А когда же?» [Они отвечали:] «Когда магистрами может станут». Но тогда уже поздно, им уже не интересно, они уходят в другую отрасль, зарабатывают деньги и вообще этот процесс утерян на мой взгляд. Что мы видим? Вот

Образ времени, то есть Образ времени – это конечно такая продлённость, то, что Шпенглер очень хорошо говорил, что образ культуры это – собственно, продлённость, длинность и перспектива взгляда в будущее. Поэтому про эти вещи, хотя они сложные, можно говорить. Например, четырёхмерное вращение вселенной мы тоже делали со студентами на 2 курсе в 1 семестре. То есть это очень ранние, можно сказать, экзерсисы для студентов, но четырёхмерность, они очень хорошо понимают, что её невозможно в трёхмерном пространстве сделать, значит должны быть какие-то визуальные принципы, которые как бы будут подсказывать. Ну и вы видите тени; там у кого-то еще что-то горело, типа свечки. Взрыв пространства Вселенной, то есть первичный взрыв, допустим. Такое задание мы тоже делаем чтобы погрузить студента в понимание того что есть философские основы категорий пространства. Вот тут видно, что метрика и топология сразу оговариваются. Вот эти удивительные макеты, которые вы угадываете, они были сделаны в ЕНУ, это Астана. Мы изначально работали только в сферичном поле, только сферичность, никакой ортогональности. А вот эти как раз последние – Казахская академия искусств КазНАИ, 3 курс. Тут более или менее можно угадать, если там [ранее] ничего не было понятно. Это вот свежие. Здесь сидят два студента, которые тоже этим занимались. Шанырак. Они поняли, что шанырак это крест, и это многомерность, которая в пространстве. Возможно это какая-то такая многомерная конструкция. Или текемет. Видите, там падает от него тень; чёрно-белое восприятие мира, когда день-ночь – бинарная позиция, которую семиотики очень любят. Я вам хочу сказать, что это интересные макеты, верьте мне.

Вопрос из зала:

Это арка или арка́?

Асия Нурдубаева:

Вообще знаете мне очень нравится этот парадокс. Вообще это – арка́, конечно же, по-тюркски, арка. Но она в европейских языках превратилось в арку. У нас там стоит такой ковёр тус кииз, если чуть-чуть коротко рассказать об этом, он П-образной формы, это такая арка, через которую проходили коронованные особы типа Чингисхана, или хана. То есть это целый обряд, ритуал, который превратился в пространственную форму и застыл, т.е. триумфальная арка. Через неё проходили воины, если вы знаете перед тем как уйти [на войну]. Много их в Европе осталось. Это русские не признают, конечно, их степное происхождение, но они как раз и привнесли вот эту тему арки, прохода как такового. Поэтому мне очень нравится что арка или арка – это такая этимология формы. Давайте двигаться дальше.

Ритм в пространственных построениях. Лера Недлина сегодня не подошла, я её всегда приглашаю, она моим студентам читает о том, как в музыке распределяются ритмы и это очень интересно. И здесь берётся обычное стихотворение, и все рассматривают эту синхронизацию ударных и

безударных, и как могут и понимают делают вот такие макеты. И вы видите дактиль, допустим – «Тучки небесные, вечные странники». Студент вот так увидел, так сделал. Это двухмерное конечно восприятие. Тут [на слайде] (мы вообще ничего не видим) – ямб. Хорей мы тоже практически не видим. Но студент сам для себя такой задаёт стиль, язык и сам его решает, то есть получается, что он со-творец. Вот, например, тоже – «Ветер злой, ветер крутой/ В поле заливаётся,/ А сугроб на степной воле завивается». Такие формы – это вообще-то I курс.

Вот это сейчас III курс вы видите. Метапознание: мир как форма. Последнее, что я сейчас объясню. «Точка-образ», «точка-плоскость» как система, «точка малый мир», потом «точка-линия и плоскость» идёт и как они постепенно превращаются в большую семиосферу или в Мир. Вот они таким образом рисовали, это тоже III курс. Это экзамен у них. «Точка-образ» у кого-то шарики; «плоскость-образ» это у кого-то может кровать; «линия-образ» это ещё что-то. Тут тоже самое, т.е. задание одно, но как они это воспринимают... Тут конечно многие демонстрируют своё шаблонное мышление. Это руками рисованное. Но может быть от того что плохо видно, вы мне просто поверьте на слово, что это всё занятно. То есть мета-познание мира как форма. У кого-то больше, у кого-то меньше в этих рисунках художественного, так скажем, познания от того, что определяет талант автора. Я хотела сказать, что на самом деле в какой-то момент понятно, что шаблонное мышление оно конечно будет всегда рядом идти, но мы никогда не создадим никаких производящих смыслов если не будем генерировать что-то из своей собственной локальной культуры. Я говорю это просто без всяких терминов, которые бы отягощали наше восприятие. Мы сейчас подвержены тому что всё время догоняем качественно болонскую систему, мы всё время этим заняты чтоб соответствовать и т.д. При этом аккультурация, которой мы подверглись, я считаю, что она чуть ли стопроцентная была: мы не говорили на своём языке, мы подвергались только программированию одного транслирующего центра. И в какой-то момент стало казаться, что, собственно, своего языка [у нас] нет и скорее всего не появится. И вот мне задают вопросы «А как же с архитектурой, можно ли считать модернизм принадлежащим каким-то образом местной культуре тоже, или это всё, хоть и построено нашими архитекторами, но взято оттуда? Это что такое? Это инкорпорация какой-то другой культуры или это мы так думаем?» И вот тут очень много интересного этого восприятия себя; где ты есть в этих универсалиях. Я сейчас, наверное, закончу уже, не буду теоретизировать хотя у меня тут есть некоторые моменты, связанные с созидательными форматами, но то, что я вам продемонстрировала это, собственно, и есть моя практика. А уже потом по мере нашего с вами разговора, наверное, уже более глубже можем перейти к другим каким-то темам. Спасибо.

Я так же и модератором являюсь. Сейчас мы неверное пригласим Эркена Кагарова. Эркен Кагаров вообще родился в Ташкенте, да? Вот,

замечательный наш, можно сказать, соотечественник, дизайнер, который сделал в Москве просто головокружительную карьеру. Я думаю сейчас он об этом расскажет. Спасибо.

Эркен Кагаров:

Спасибо большое. Да, ну, раз уже прозвучало что я родился в Ташкенте – это действительно так. Я прожил в Ташкенте 25 лет, последние 30 лет я жил в Москве, и вот 5 месяц нахожусь здесь в Алматы.

Лекция у меня называется «Школы дизайна. Взаимодействие и влияние». Я попробую объяснить почему я так назвал и какой смысл я хотел бы сегодня подчеркнуть. Я занимаюсь дизайном профессионально 35 лет.

Профессионально это значит за деньги, до этого ещё около 5 лет я просто занимался дизайном, учился. То есть в общем около 40 лет я занимаюсь дизайном. Преподаванием я занимаюсь 23 года. В какой-то момент, когда ты работаешь как дизайнер, возникает необходимость, с одной стороны: делиться опытом, с другой стороны: когда ты начнёшь делиться опытом у тебя лучше выстраивается структура того, что ты делаешь. Это мне, могу сказать, очень сильно помогло. И вот всё это время мне было интересно понять, что же должно быть в преподавании, какие формы важны, что позволяет легче, лучше учиться и понимать студентам, и легче и лучше преподавать тем, кто этим занимается. Мне кажется, что вот эти два фактора: взаимодействие – первый, и влияние – второй, они играют большую роль. Попробую объяснить почему, и что это за взаимодействие и влияние.

Я в начале просто очень кратко скажу итог, такое резюме (обычно его в конце говорят, но я сразу скажу). Взаимодействие, во-первых, это – взаимодействие, как мне кажется, академических знаний и академической методики, может быть, преподавания и в то же время — это образование бывшее до того, как появилось академическое. Иногда кажется, что академическое это классическое, то есть старинное, но на самом деле старинное – это передача знаний от мастера ученику. Академическое появилось позже; это, по сути, была такая новация в своё время. И вот мне кажется, передача знаний от мастера к ученику очень важны и поэтому здорово, когда появляется взаимодействие двух этих методик, двух этих школ; когда они одновременно используются, и таким образом все творческие люди, кто учится чему-то, получают сразу и академические знания, и живые знания от мастера. Кроме того, важно взаимодействие институций каких-то образовательных и всего остального мира, но в частности это может быть городская среда, это могут быть какие-то компании, которые находятся в городе. Вот я, когда учился в институте, мне дико не хватало реализации, то есть я просто мучился тем, что я учился в школе 8 лет, потом 4 года в художественном училище, потом 2 года в армии, потом 5 лет в институте – и всё это время (это же советский союз был) я не имел права работать. Но слава богу случилась перестройка и в общем-то в институте я уже начал работать. Так вот поиск взаимодействия между

местом где ты учишься и средой, приглашение заинтересованных людей снаружи внутрь и возможность делать что-то наружу изнутри – мне кажется это очень важно, то есть взаимодействие это такая вещь важная. Но на самом деле это ещё и влияние. Когда ты делаешь что-то и твои идеи реализуются на этапе обучения, ты делаешь не абстрактные, вернее не только абстрактные (абстрактные упражнения необходимы, и мы всегда со студентами это делаем), но необходимы ещё и связь с реальной жизнью – это опыт который ничем нельзя заменить, это вот, как если бы пилотов никогда не тренировали в полёте, а только на земле. То есть обязательно это необходимо, прежде чем начать возить пассажиров. Но, так же как врачам очень важен рядом наставник. Всё теперь я сказал, извините, немножко длинно получилось, сказал про что будет презентация. А сейчас я расскажу просто про свой педагогический опыт и покажу те места, где я преподавал и что мне показалось важным в этих местах.

Первым местом была Высшая академическая школа графического дизайна в Москве. Организовало несколько человек, конечно, но главным идейным вдохновителем был Сергей Иванович Сыров, который предложил такую идею, выражается в короткой фразе «образование из первых рук». Иначе говоря, это практикующие дизайнеры, которые занимаются преподаванием. Ну естественно, не только они, потому что у дизайнеров в ВАШГД были мастерские. Знаете, это похоже на мастерские во ВГИКе – вот есть мастерская режиссёра, ну допустим Митты; он набирает свою группу и работает с учениками. Когда я просил Сергей Ивановича «А какой предмет я буду преподавать» (это было в 99 году), он говорит: «Что значит какой предмет?» «Ну вот как называться будет - композиция или что? Что я буду преподавать?» Он ответил: «Предмет называется Эркен Кагаров. Вот ты будешь рассказывать всё, что ты знаешь». Естественно, были занятия по истории дизайна, который вел, например, Сергей Иванович, по теории дизайна. То есть это не только мастерская, ещё много дополнительных заданий и занятий.

Здесь кстати есть и Сергей Иванович Сыров, и я, и какие-то студенты. Скорее всего это летняя школа, потому что в ВАШГД были не только большие длинные курсы, но и относительно короткие интенсивы. Соответственно соединение нескольких форматов даёт возможность и большему количеству дать знания и делает более живым образование. Кстати многие темы дипломных работ почти всегда мы стремились брать из реальной жизни. Вот мой студент Стефан Лашко, он сделал новый дизайн, новую айдентику для московского театра Практика (кстати, театр довольно известный, там когда-то Эдуард Бояков был главным режиссёром, там очень интересные у них были спектакли, давно-давно это было). И этот стиль естественно реализован. То есть очень важно делать проекты, которые будут внедряться в жизнь, работать с реальными заказчиками.

Кроме того, взаимодействие у нас было и между преподавателями. Когда меня пригласили работать в Пермь, тогда я понял, что я не смогу преподавать, и мы договорились с ещё одним преподавателем – замечательным художником Николаем Штоком, и решили взять одну группу на двоих – два преподавателя в одной группе. Николай, помимо замечательного партнёрства, в этом проекте практически всегда привлекал студентов к работе над реальными проектами. В частности, это были плакаты для московского клуба «Дом» - это музыкальный клуб, там очень много концертов, авангардная современная музыка, и практически всегда они делали вот такого рода плакаты, при чём тоже авангардные, на картоне, на плёнке, трафаретным способом - самыми разными. Да, кстати, у меня в конце каждой такой главки будет стоять QR-код, если вдруг кому-то интересно, вы сможете узнать про это образовательное место чуть больше.

Следующее место, про которое хочу сказать, оно не образовательное. Это Пермский центр развития дизайна (ПЦРД). Тем не менее для меня это – пример именно взаимодействия с городом. Если честно, я считаю, что в любом городе нужен какой-то центр, который будет заниматься тем, что происходит в области дизайна в городе, потому что к сожалению, несмотря на то, что мы живём в 21 веке и на любой международной конференции, посвящённой, ну не знаю, новому укладу экономическому всегда слово «дизайн» произносится с завидной регулярностью; ну чуть меньше, чем слово «цифровое», наверное, вот на втором месте; ну и «креативность» может быть; ну вот в одном ряду. Тем не менее сейчас мы управляем в своих городах водопроводом, озеленением, культурой; но мы не управляем дизайном, то есть дизайном никто не занимается и это является некоторой на мой взгляд проблемой. Тем не менее, ну я просто два слова скажу, в 2011 году меня пригласили; я переехал в Пермский край и возглавил Центр развития дизайна как художественный руководитель. Мы безусловно проводили и образовательные мероприятия. И я, допустим, приглашал замечательного шрифтового дизайнера Гаянэ Багдасарян, вместе с ещё одним шрифтовым дизайнером Еленой Новосёловой они проводили мастер-классы, делались выставки и т.д., но самое, наверное, важное и интересное то, что Центр влиял на то, что происходит в городе. То есть эта взаимосвязь любой институции и среды. Мне кажется, тема влияния и тема связи очень важна. Делалось всё: от навигации и остановок до... вот тут, к сожалению, белый фон на картинке, не очень хорошо видно, попробуем следующую. Ну это навигация, дизайн, оформления Пермского перинатального центра. Там будет кстати QR код, вы можете зайти на сайт и посмотреть эти фотографии в нормальном качестве со смартфона и т.д. Как сказал Олег Ощепков (в разное время он был министром культуры Пермского края, и руководителем рекламного агентства Озон, если я не ошибаюсь) что, обычно перинатальные центры в России – это просто высокотехнологичные больницы. В Перми появилось первое место такого рода, где это выглядит по-человечески доброжелательно и, как известно, компания Ideal, которая занимается

дизайном процессов (это главная компания в этой области в мире), они подсчитали, что красивый вид из окна больницы ускоряет выздоравливание на несколько процентов - это официальная статистика. Интересные, живые интерьеры они тоже увеличивают на определённый процент количество выздоравливающих или скорость выздоровления, соответственно уменьшают расходы государства на это всё дело. То есть самое важное – чтобы было вот это влияние. Центр [ПЦРД] инициировал или дал старт некоторым проектам. В частности, мы предложили делать сувениры разным дизайнерам на основе разных, местных, допустим, культурных феноменов, местных исторических или других вещей. Вот это вот «обвинская роспись» - такая важная штука для Пермского края, ну и вот рекламное агентство Витамин, дизайнеры из него, сделали такие штуки. Ну тоже можно посмотреть в интернете. Или, например, изменение айдентики главного театра города и края – это Пермский театр оперы и балета. Центр являлся и оператором этого проекта, и я являлся художественным руководителем, ну по сути арт-директором. Те, кто дизайнеры, сейчас, если тут они есть, они бы конечно за голову схватились – я был арт-директором у Елены Китаевой, у главного художника телеканала «Культура». В общем, это невозможно. Я просто Елену хорошо знаю, давно, это прекрасный человек, но довольно такой вот ну очень сильный и очень уверенный. Тем не менее сотрудничество получилось, айдентика получилась, она реализована. Иначе говоря, Центр развития дизайна занимался влиянием на то, что происходит в городе. На мой взгляд любое образовательное учреждение в области дизайна в идеале должно заниматься подобного рода взаимодействием с городом, с сообществами, с людьми, с дизайнерами, с художниками, с музыкантами, с писателями (я сейчас не буду всех перечислять) заниматься вот этим. То есть по сути быть отчасти художественным центром.

Следующее место это – школа дизайна Точка в Перми. Вообще очень удивительная для меня история. Когда я был руководителем центра дизайна (ПЦРД) в городе появился проект, который назывался «Уникальные школы». В рамках этого проекта было сделано несколько школ. Была it-школа создана. Она создавалась при какой-то крупной пермской it-компании. Очень важно, чтобы у школ были такие менторы, то есть какая-то компания, которая бы помогала, может быть не материально даже, а скорее идеологически, потому что в школах не очень хорошо знают, что делать с it, не очень хорошо знают, что делать с инженерами. В Перми сделали ещё инженерную школу. По-моему... Не буду сейчас врать при каком, там очень крупные предприятия есть в Перми – авиационные и т.д., может это Пермские моторы были. Я сейчас не помню кто был вот таким куратором. А Центру развития дизайна предложили заняться школой дизайна – ещё одним направлением. Я сейчас объясню. Это средняя школа образовательная, то есть это как бывает спортивная школа, где учатся дети до 10, сейчас может быть до 11 лет; или музыкальная школа, художественная школа – такие

бывают. Школ дизайна в России до тех пор не было. В Перми в 2012 году появилась первая в России школа дизайна, средняя школа.

Вообще задача очень сложная была для меня в первую очередь потому, что я занимался концепцией этой школы. Самой сложной задачей было понять: а каким же образом сделать так, чтобы в школу пришли дизайнеры. Потому что, к сожалению, школьные преподаватели не знают, как объяснить и как учить дизайну; их можно только научить если отправить [учиться], или [если бы им случилось] родиться в другой стране, в какой-нибудь Голландии или в Америке; прожить там большую часть жизни, поучиться там, и тогда они поймут, что такое дизайн. К сожалению, по-другому ничего сделать нельзя, но можно привлечь дизайнеров. Но ведь дизайнеры не пойдут в школу. Школа — это кошмар в общем для дизайнеров. Начиная от того, что там есть дети и заканчивая просто внешним видом интерьеров и подходом к образованию - он не творческий конечно же. Удалось это сделать. Ну потом, если будет интересно, я чуть более подробно про это расскажу. В общем школа создана; она существует уже больше 10 лет; при этом сделала очень много интересного. Ну, например, Школа организовала всероссийский конкурс для школьников про дизайн, называется он «Точка внимания». Я являюсь постоянным членом жюри этого конкурса. Но, к сожалению, здесь не очень хорошо видно, но это выпускные работы школьников; 11, по-моему, класс; причём эти работы сделаны для Театра кукол городского для фестиваля, честно говоря я забыл для какого. Я был поражён, когда я смотрел. Благодаря тому, что в школе работают одни из лучших городских дизайнеров, а это дорогого стоит. Уровень работ несомненно очень сильный и дальше я надеюсь у всех [всё] будет прекрасно. Кроме того, Школа, например, сделала выставку в Музее современного искусства PERMM. Была выставка, посвящённая, ну возможно, десятилетию существованию Школы. Выставка очень интересная, где было показана куча работ, замечательные экспозиции, но главное конечно это – сами работы и подход. Кстати вот здесь часть работ выполнены из метала, из керамики. Вообще Школа очень хорошо оборудована: то есть там есть ЧПУ, раскроечный станок формата 2 на 2 метра, т.е. это очень круто. Но они договариваются ещё, они ездят на практику и работают дети в керамических мастерских и так далее, всё это очень интересно. Вот QR-код также здесь есть.

Следующее место - это Британская высшая школа дизайна (БВШД). В Москве, такая школа была создана уже неверное лет 15 или 20 назад, я не могу сказать. И я там не преподаю постоянно, меня приглашают для того, чтобы быть куратором интенсивов, вернее я иногда как приглашённый лектор выступаю в рамках каких-то курсов, а сам я организовывал там интенсивы по айдентике, по урбанистике, ну и по каким-то другим вещам, по брендингу. Место, безусловно, одно из самых известных в Москве и при этом одно из самых дорогих с точки зрения обучения, но это имеет смысл потому что, как ни удивительно, в Британской школе дизайна работают

приглашёнными лекторами почти всегда также действующие профессионалы. Это удивительно, но пока всё, про что я рассказываю, это все – успешные проекты. Они связаны тем, что там работают эксперты. Да там есть преподаватели, но они работают в своих областях, а проекты ведут специалисты, иначе говоря действующие практики. Кроме того, важная вещь — это связь с реальностью. В Британке всегда дипломная работа делается на основе реальных заказов реальных проектов. Это кстати не только там, в Москве есть Институт бизнеса и дизайна; часто меня приглашают в качестве члена жюри или председателя жюри на просмотры. Они всегда берут реальные проекты. Это сложнее, безусловно, студентам надо работать с реальными заказчиками, зато уровень понимания задач и уровень решений вырастает, а главное появляется тот самый необходимый опыт, который будет востребован. Ну и проходит ежегодная выставка финальных работ в Британской школе дизайна.

Школа Turomania. Школа, которую организовал Александр Васин вместе с Натальей Вельчинской, и в этой школе Саша меня пригласил вести часть, посвящённую айдентике, потому что школа Turomania занимается и книжным дизайном и ещё каким-то. Там на самом деле много замечательных людей, вы их видите на этой фотографии. Участники со стороны учителей могут меняться: условно говоря один курс может быть один состав, на другом курсе – другой. Это кстати довольно комфортно для некоторых практикующих дизайнеров, которые не готовы всю жизнь преподавать. Какое-то время они могут этому посвятить. Это фотография с одного из просмотров курса; вызывают большой интерес, много работ, много людей, и конечно же, много проектов так же делается для реальных заказчиков, хотя в Turomania school это не главное. Но преподают действующие профессионалы, часто даже лидеры профессии. Ну и очень большая выставка Turomania school, вернее не Turomania school, а Саша Васин и Наташа Вельчинская проводят самую крупную в России, а скорее всего в СНГ, выставку шрифта и типографики, роль которых часто недооценивается. На самом деле современный дизайн, и особенно дизайн интерактивный, дизайн сайтов... Недавно я обсуждал с коллегой, и мы обсуждали темы, что сейчас в современных сайтах мы видим в основном текст, потому что какие-то элементы дизайна они мешают (на мобильных устройствах) и шрифт, которым это всё сделано, даёт основную эмоциональную характеристику тому тексту, который мы читаем. Так вот, эта выставка огромная была в Музее Москвы, огромное пространство. К сожалению, из-за последних событий непонятно будут ли такие выставки ещё. Но, завершая своё выступление, я бы хотел сказать, что тот опыт работы с образовательными проектами, который у меня есть, говорит, что взаимодействие любой школы (неважно: средняя, школа высшая или какие-то курсы) и реального мира – это очень важно. Соединение дизайнеров, художников или представителей других творческих дисциплин очень важно. Кстати в школе Turomania если делается дизайн, всегда приветствуется, когда это делается, например, для

книг (т.е. литература – это другая область), или для музыки (это другая область). То есть соединение нескольких творческих индустрий. Соединение творческих индустрий очень важно для роста. Ну и конечно же важно взаимодействие, на мой взгляд, и классического образования, и образования из первых рук. У меня всё, спасибо за внимание.

Асия Нурдубаева:

Спасибо, Эркен. Я думаю все уже подготовили вопросы. А мы сейчас переходим к нашему третьему спикеру это Балабанова Юлия – эксперт по инновационно-образовательным системам, тьютор, руководитель тьюторского центра «Сам Сам».

Юлия Балабанова:

Здравствуйте. Спасибо больше за возможность выступить. Для меня это немножечко удивительная история, которая разворачивается. Она начала в общем-то разворачиваться полторы недели назад, когда мы с Эркеном попали на тоже такой... не круглый стол, а скорее на некую конференцию, посвящённую развитию креативных индустрий в Казахстане; и там, в частности, одним из ключевых спикеров был Кайрат Серикович Садвакасов, (по-моему он заместитель председателя правления КазахТуризм) и он очень много говорил об этой системе креативных индустрий страны и несколько раз у него в докладе прозвучало различие формальных и неформальных образовательных ресурсов, потому что, как мы понимаем, образовательные ресурсы для творческих индустрий это основополагающая история. И я решила оттолкнуться от этого различия – формальной и неформальной структуры в кроссплатформенной модели образования, потому что, в том числе, в вопросах аннотации нашего сегодняшнего мероприятия я услышала некоторую боль академического сообщества, связанную с, как будто бы, утратой некой может быть монополии, утраты некой возможности влиять на ситуацию и непониманием как действовать в современном контексте, когда появляется коммерция, появляется индустрия, когда появляется огромное количество неких альтернативных образовательных структур, которые в моём докладе названы неформальными. Отчасти моё выступление будет перекликаться с тем, что говорил Эркен. Я только что порадовалась что у меня практически (ну вот это единственная картинка, которая у меня есть в докладе) нет картинок, поэтому мой доклад в этом смысле содержательно не пострадает. Ну и я увидела некоторую логику: то есть если Асия Руслановна говорила в первую очередь про методологию работы со студентами, про именно педагогическую работу; а Эркен Медатович говорил и про методологию работы со студентами, и про то как должно быть устроено образовательное пространство; я как раз буду говорить уже собственно про образовательные пространства и про то какими они могут быть.

Давайте попробуем понять что здесь написано. Картинок нет, но тем не менее конечно не очень понятно. Я точно так же расскажу о себе. И на примере своего собственного опыта профессионального попробую показать вот эту разницу между формальными и неформальными образовательными структурами. Если мы посмотрим на белое поле, мы там увидим предметно-языковую школу Дуплекс города Пермь. Я приехала из Перми – это то, что нас с Экреном связывает – там я была и заместителем директора, и руководителем тьюторской службы, учителем, тьютором. В Пермском государственном университете была преподавателем кафедры журналистики. В Региональном институте непрерывного образования при Госуниверситете я вела курсы повышения квалификации по тьюторскому сопровождению, по развитию метапредметных навыков. И вот здесь можно увидеть такую как бы иерархию. У меня даже не было вопросов как вот эти разные элементы моего профессионального опыта размещать. Ну да, сначала, логично, я работала с детьми, потом – как я работала со студентами, и как я работала с педагогами. Формальные образовательные структуры всегда иерархичны, и находясь в них мы всегда четко понимаем свою должность, как правило она прописана у нас в трудовой книжке и т.д. Неформальные образовательные структуры: первое, что здесь есть, это – частная филармония Триумф. Это проект, которым я руководила, фактически который я запустила 6 лет назад в городе, и вот уже три года он успешно развивается без меня. Я была, во-первых, управляющим и куратором образовательной программы. То есть, несмотря на то, что частная филармония Триумф это – в первую очередь концертно-театральная площадка, такое трансформируемое пространство – у нас была и своя собственная образовательная программа, лекционная семинарская. Но по большому счёту, все те события, которые происходили и продолжают происходить на этой площадке, они носили и носят в значительной степени экспериментально-лабораторный характер. И поэтому для артистов, для музыкантов, для режиссёров работа на площадке Триумфа это тоже опыт образования, это опыт некоего перехода в неведомое, опыт познания себя, опыт реализации своего потенциала и т.д. Поэтому я считаю, что Триумф – это в значительной степени неформальная образовательная структура.

Тьюторский лагерь «Вперёд в будущее». Насколько понимаю, вообще тема тьюторства в Казахстане не очень представлена, хотя слово не совсем незнакомое, но это моя в образовательной сфере сейчас основная профессия – т.е. я руковожу собственным тьюторским центром пока что дистанционно получается. И тьюторские профильные лагеря для старшеклассников «Вперёд в будущее» это – абсолютно инновационная форма работы и с детьми, и с педагогами, которая известна на всю страну. Я недавно встретила совершенно случайно случайно с человеком из Москвы, и когда я сказала, что я из Перми, она говорит: «О, у вас там совершенно потрясающие тьюторские лагеря проходят». Оказалось, что куча общих знакомых. Там я была тьютором, организатором. В Летнем университете тьюторства я была спикером и участником. То есть вот подобные

мероприятия, как, например, круглый стол фонда «Аспандау» (который внизу списка), они тоже очень здорово размывают наши с вами статусные границы; то есть вроде как я преподаю, вроде как я что-то рассказываю, но при этом же я учусь новому у других. И эту должность, эту позицию не прописать в трудовой книжке. И вот у таких неформальных образовательных структур, как например Fayoum Winter Academy – зимняя арт-академия в Египте, в арт-центре Фоюм под Каиром, где я была в качестве участника; или например персональный грант Британского совета, который я получила на своё профессиональное развитие – там вообще не было преподавателей; там была программа, которую я сама придумала, защитила, получила на это деньги, реализовала её, месяц прожила в Британии и это дало мне огромный, просто колоссальный профессиональный личностный прирост. То есть это однозначно образовательный опыт, но при этом он неформальный – там нет ничего того, что напоминало бы нам университет или школу. И мне кажется, что самое прогрессивное вообще движение в образовании — это сочетание формальных и неформальных образовательных структур. Два кейса, два примера сейчас коротенько я вам расскажу. Первое – это магистратура «Кураторские исследования». В общем-то довольно уникальная магистерская программа, которая изначально лет пять назад задумывалась вообще в сотрудничестве с Барт-колледжем Нью Йоркским и с факультетом свободных искусств СпбГУ, но потом опять же в силу разных геополитических причин она оказалась немножко замкнута сама на себе, но так или иначе организаторы этой магистерской программы... (Я там училась. К сожалению, не смогла её окончить. Вот мои одноклассники буквально на днях защитили дипломы; я за них порадовалась. Но, по крайней мере, я знаю как этот процесс был организован изнутри.) Так вот организаторы положили очень много сил на то, чтобы внутри университетской программы – посмотрите, там жесткий учебный план, академические дисциплины, диплом государственного образца – чтобы там появились вот те самые практики. И у нас действительно в преподавателях были и арт-директор музея современного искусства, и кураторы, организаторы выставок в Пермской художественной галерее, кураторы Центра городской культуры (это вообще частная организация). И я вам скажу по секрету, иногда руководство кафедры, к которой мы принадлежали, шло на некоторые служебные подлоги. То есть для того, чтобы пригласить реально практикующего преподавателя, у которого, например, недостаточно документов, у него нет магистерского образования, поэтому он не имеет права формально преподавать в магистратуре, или ещё какие-то другие ограничения; то есть у нас в расписании официально стояли одни фамилии и одни названия курсов, но мы знали, что на самом деле у нас другие люди и другие названия курсов, потому что, к сожалению, эта очень классная, очень прогрессивная система, когда реальные практики арт-индустрий приходят в вуз и рассказывают как сейчас строится кураторская работа – эта система сталкивается с огромным количеством бюрократических ограничений, которые существуют в академической среде и каким-то образом это нужно преодолевать. Ну и мы в

общем реализовали реальные арт-проекты на городских площадках в том же самом Центре городской культуры.

О школе дизайна «Точка» Эркен уже немножечко рассказал, я только хочу обратить ваше внимание на различие что там было формальным: муниципальная общеобразовательная школа (бывшая СОШ №83), работа в соответствии с федеральным государственным стандартом, типовое школьное здание, классно-урочная система – всё то, чего так бояться на самом деле креативные люди, и при этом удалось привлечь настоящих практикующих дизайнеров, художников в роли учителей; мои друзья в том числе там работают. При школе действует профессиональная дизайн-студия. Пространство организовано с учётом современных дизайнерских трендов, в том числе в навигации, в колористике и т.д. Открытые лекции, дизайн-четверги, которые проходили в школе – в этом смысле школа становилась образовательным пространством не только для детей, для своего контингента, но и всего заинтересованного городского сообщества без возрастных ограничений и какого-то образовательного ценза. Про выставки на профессиональных арт-площадках Эркен тоже уже говорил и про федеральный конкурс дизайна для школьников. То есть (внимание!) в деятельность этой школы было вовлечено не только городское и региональное пространство, но и федеральное – дети со всей страны присылали свои работы на конкурс дизайна «Точка внимания».

И, немножечко резюмируя, хочу поговорить чуть-чуть о принципах, которые на мой взгляд должны соблюдаться в современных инновационных образовательных системах. Первое (то, что на белом поле) – это то, что касается непосредственно человека. Во-первых, в образовательной системе обязательным принципом должна быть индивидуализация образовательного трека, то есть каждый человек должен иметь возможность выбрать, у него должно быть пространство образовательного выбора.

Второе – мы должны понимать, учитывать принцип Long Life Learning (LLL) – обучение на протяжении всей жизни. Мы должны понимать, что образование не заканчивается с окончанием школы, с окончанием бакалавриата, магистратуры и т.д. То есть я – тот самый пример человека, который учится всю жизнь, который буквально недавно учился в магистратуре и продолжаю учиться; то есть я понимаю, что только когда меня не станет мой образовательный процесс закончиться.

Третье – это субъектность. Это я уже как тьютор говорю. У нас вообще в образовательной традиции принято объективировать, во-первых, предмет; а во-вторых: объективировать учащихся – и детей, и студентов. Вообще объективация — это самая большая беда современного общества и сегодня уже звучала мысль о необходимости в гуманитаризации образовательной сферы для того, чтобы не происходило этих страшных вещей, которые мы можем наблюдать в новостной повестке. Я с этим абсолютно согласна, и для

меня путь вот этой самой гуманитаризации в первую очередь – это через работу с субъектностью, через проявление вот этого личностного индивидуального начала в человеке, через научение его опираться на самого себя: видеть себя, слышать себя, чувствовать, понимать. Как говорит один из замечательных российских психологов Людмила Петроновская, что мы должны учить детей самим себе. И вот это как раз и есть – работа с субъектностью. Но если мы говорим о современной образовательной системе, невозможно научить как бы работе с субъектностью другого, когда ты со своей собственной субъектностью не в ладу. Поэтому в первую очередь субъектность – это качество реализации педагога. То есть педагог должен быть субъектом образовательного процесса, педагог должен через себя пропускать всё, что происходит и отдавать собственное авторское видение, то есть мы говорим о субъект-субъектной педагогике. И это на самом деле неважно идёт ли речь о дошкольном, школьном или высшем образовании, то есть субъект-субъектная позиция в преподавании — это просто требование времени.

Ну и на зеленом поле мы можем посмотреть какие-то вещи, которые касаются системы. Эркен уже тоже затрагивал идею интеграции – образовательная система должна носить открытый характер, она должна иметь возможность интегрироваться с индустрией, с разными сообществами, при чём любыми сообществами – молодые матери, велосипедисты, вегетарианцы, бизнесмены и т.д., то есть особенно если мы говорим о некоей образовательной структуре в рамках творческо-креативной индустрии.

Agile-подход, который был изначально разработан в среде программистов, потом он был перенесён в принципе на проектную деятельность в целом, считается одним из самых современных, прогрессивных. И если мы посмотрим через призму принципов Agile-подхода на образовательные системы, мы увидим, что современная образовательная система должна быть готовой к постоянным изменениям. Agile – это когда не только методы и инструменты могут меняться в ходе реализации проекта, но даже целеполагание в ходе проекта может измениться. Т.е. мы начинаем проект про одно и потом мы начинаем тесно взаимодействовать друг с другом – видим друг друга, слышим друг друга, видим окружающую обстановку, понимаем контекст, который постоянно меняется – и в ходе проекта у нас происходит некоторое количество итераций и каждый раз у нас меняется или может меняться и текущая тактическая задача, и финальная стратегическая цель проекта. Вот что такое Agile-проект. И этот Agile-подход он может работать как применительно к образовательной системе в целом, так и к индивидуальному образовательному треку каждого студента.

Ну и третье это – тьюторское сопровождение. Об этом я уже немножко начинала говорить, то есть когда существует некое пространство выбора, когда существует необходимость самоопределения в этом пространстве выбора. Тьютор это как раз именно та профессиональная педагогическая

позиция, которая позволяет человеку увидеть себя, услышать, понять себя и начать движение, то есть тьютор это такое своеобразное зеркало. Ну и опять же поскольку в Казахстане, как я сумела заметить за несколько месяцев, эта практика пока не очень прижилась, но зато здесь очень популярно менторство. В значительной степени ментор для менти своего те же самые задачи решает, что и тьютор для тьютеранта, поэтому я написала в скобках менторское, потому что в значительной степени менторские технологии, менторские практики они тоже могут помогать человеку с самоопределением и с движением в пространстве образовательного выбора.

Ну и Эркен об этом не сказал, видимо оставил эту как бы почётную задачу мне, у нас есть мысль запустить здесь в Казахстане, в Алматы новую образовательную структуру – школу дизайна и новых медиа, которая по большому счёту будет воплощением всех тех принципов, о которых я говорила. И удалось сформулировать три I. Как сказал Эркен, самая устойчивая табуретка – это табуретка на трёх ногах. Так вот первая нога — это индивидуализация (individualization) образовательного трека каждого участника образовательного процесса; вторая I – это integration, то есть проектная интеграция с внешней средой. В рамках проектов мы действительно влияем на всё то, что окружает нас и получаем из внешней среды необходимые для образовательного процесса ресурсы. Ну и Intention – это вообще от латинского интенция, намерение — это некий такой сплав мечты, воли, желания что-то менять, то есть – личная интенция к значимым переменам. Это абсолютно необходимые условия для того, чтобы образовательный процесс был не имитационным, а реальным и ведущим к личностной трансформации человека, который учится. И вот это как раз к вопросу о субъектности. Если вам интересно, вы можете нас найти. То есть вот это вот – я не знаю насколько прочитаются контакты, т.е. можно связаться с Эркеном, можно связаться со мной, и мы будем рады продолжить этот разговор в каких-то других обстоятельствах, ну и конечно же готовы ответить на ваши вопросы. Спасибо большое за внимание.

Асия Нурдубаева:

Спасибо Юлия. Ну вот мы закончили. Уже есть желающие поговорить. Мы с вами заметили из тех трёх докладов, которые прозвучали, что художественное образование создало множество форм, множество пространств и для многих эти формы инаковости, о которых сказали Эркен и Юлия, может быть прозвучали как-то в новизну. Но вот это предположение, что познание вещей мыслится в разных формах, я думаю, что оно относится к тому, что мы все (как вы хорошо сейчас сказали про субъектность: чего не хватает и что является началом гуманизации всего процесса образования) что мы можем думать по-другому. Мы можем не думать в рамках только преподавания в ВУЗе. Вы сказали, что это [могут быть] другие какие-то школы, которые перетекают – Эркен рассказал; а вы [Юлия] вообще сказали о, скажем, ещё более высокой стадии субъектности. Мы многие прошли

курсы фасилитации. В Казахстане, конечно, это кажется немножко опережающим, потому что оно не вполне понятно, оно не вполне распространено. Но вот то о чём вы рассказали это очень благоприятный опыт. Я думаю, что мы с вами увидели три разные формы и сейчас я хочу сказать, что часть спикеров закончилась. Если вы замечательным образом записали ваши вопросы, то можете их задать, но прежде представляйтесь, потому что не все друг друга знают, не все знакомы. Так что мы начинаем дискуссию. Спасибо.

Дана Шаяхмет:

Здравствуйте! Меня зовут Дана Шаяхмет – я являюсь директором центра исследовательского в AlmaU, называется Центр креативных индустрий. Я очень рада, что я здесь нахожусь, очень рада со всеми познакомиться. И я честно пришла к 6 и извините, я, наверное, не дослушаю до конца дискуссию. Коллеги, перед вами хотела сразу извиниться. Я хотела бы поздравить. Эркин и Юлия, отлично! Добро пожаловать в Казахстан. Мы все понимаем, что сложившаяся геополитическая ситуация создаёт определённую конкуренцию для нас – сотрудников образовательного сектора, но я думаю это такой «голубой океан». Здесь могут создаваться крутые проекты и надеюсь у вас всё хорошо будет с получением лицензии и всеми остальными административными вопросами. Потому что для меня, и мне кажется для многих коллег здесь присутствующих, особенно преподавателей, есть как раз-таки нюансы изменения вот этих требований. Конечно подлог, наверное, не нужно организовывать и я думаю, что может быть это у нас практикуется, но в отличии от российской образовательной системы мы всё-таки движемся активно к академической свободе: мы можем приглашать преподавателей без магистратуры в высшие учебные заведения, но имеющих определённый опыт и это уже практикуется у нас. Я думаю мы здесь очень активно движемся вперёд. Также эта академическая свобода очень во многом позволяет модифицировать саму учебную программу. Думаю, преподаватели здесь присутствующие [согласятся] даже в государственных вузах. Я представляю частный вуз, нам полегче. Но зарегламентированность Министерством науки и высшего образования присутствует. Но многие наши коллеги, когда на всяких конференциях я принимала участие, [например,] в Жургеновской академии искусств, они активно рассказывают про свой опыт, когда есть и взаимодействие, и влияние. У нас это очень активно практикуется, где-то в большей степени где-то в меньшей. Я думаю наш университет один из ведущих в бизнес-образовании, и конечно они первые туда шагнули.

Но всё-таки я считаю, что работа профессоров не должна заниматься вот этим как бы лобби изменений структурных каких-то и так далее. Потому что всё равно, вот когда вы говорите про влияние, внедрение, опыт в Перми, у меня вот один из вопросов: это вы по приглашению городской администрации пришли? То есть это всё равно пригосударственные или

государственные учреждения были, да? Т.е. они финансируются государством. У нас очень, как сказать, забюракритизирована, (я себе здесь записала) неповоротлива и непрозрачна система, связанная с государством и около государственными учреждениями. И чтобы внедрить учебную программу взаимодействия с ними нужно пройти, не 9 кругов, а намного больше. Это первый мой вопрос: по опыту города Перми, как удалось взаимодействие с государственными учреждениями конкретно на местном уровне.

И в целом я хотела бы отметить что мы, будучи бизнес-вузом сейчас запустили Школу медиа и кино. Наш профессор здесь присутствует – Гульнара Абикеева, вы все [с ней] знакомы, и «модифицируем» бизнес к творчеству. Хотелось бы ваше мнение послушать по такой транзакции какой-то подходящей. Вообще, имеет ли смысл бизнес-вузам входить в творческое креативное образование. Там же нет всех базовых необходимых дисциплин художественных, как в школе дизайна, допустим, в университетах творческого направления. Спасибо.

Эркен Кагаров:

Спасибо. Очень интересные вопросы. Но я начну с конца если позволите. На мой взгляд, да необходимо, если кратко отвечать. Насколько я знаю, МВА – все знают, что это такое – одна из частей получения образования МВА – это изучение дизайна. То есть, не зная дизайн, ты не получишь МВА. Поэтому на вопрос «Надо ли бизнесу заниматься творческими вещами?» [Ответ:] «Конечно же надо». Могу вспомнить историю, когда Герман Греф поехал на Давосский экономический форум (это был примерно 2008 или 2007 год), там основной темой было развитие креативной экономики. Ну наверно не случайно на экономическом форуме это обсуждалось – креативная экономика. Я думаю это тоже аргумент. Кстати после этого Греф приехал и решил, что необходимо развивать дизайн в России и необходимо сделать концепцию развития дизайна в России. Я был одним из экспертов кто работал там. Мы собирались в МинЭкономРазвития и обсуждали всё это. К сожалению, очень мало из наших предложений попало в итоговый документ. То есть бизнесу это необходимо, и государству это необходимо, но очень мало кто в государстве и в бизнесе понимает, как надо сделать чтобы это заработало. Я на эту тему больше сейчас не буду говорить.

Хотел бы сказать пару примеров как было в Перми организовано взаимодействие с государственными учреждениями и с бизнесом. Почему? Например, если вы зайдёте на сайт школы дизайна Точка, там вы увидите, что у них есть программа, то есть они принимают заявки от предприятий города, или от организаций города, или в рамках благотворительности, от благотворительных организаций. Есть определённый регламент как это сделать, по-моему, там в документах даже написано всё. Соответственно тут не нужно государство даже. То есть государство может ничего не делать, а частный бизнес будет в школе размещать заказы на свои задачи какие у них

есть: сделать упаковку или сделать плакат, сделать оформление выставки. На сайте кстати есть работы школьные сделанные таким образом. К сожалению, очень плохо была видна замечательная удачная работа по Пермскому перинатальному центру; я просто скажу, как это было. Я был руководителем Центра развития дизайна и прочитал где-то, что в Перми будет открыт перинатальный центр. И мне стало любопытно. Я не помню у кого спросил «кто делает интерьеры, навигацию, кто делают айдентику для этого центра». Мне сказали: «никто; ну, потому что мы вообще не думали, что это надо, если честно.» После этого я встретился с главой департамента здравоохранения. У меня была такая возможность благодаря тому, что Центр развития дизайна появился как часть реализации общей стратегии города, движения к тому чтобы развивать креативную экономику. А меня, как руководителя Центра дизайна (а Центр был создан по инициативе губернатора) были готовы принять. То есть я звонил в приёмную и встречался с руководителями ведомств. Мы обсуждали. Это очень хорошо кстати, мне очень понравилось, когда тебя слушают – это здорово в любой ситуации, особенно, когда тебя слушают люди, которые могут принять решения. И спасибо большое за понимание чиновникам. Они сказали: «Да, действительно, это не запланировано. А как же мы будем это делать, потому что мы не успеем, мы бюджет за год планируем?» Я сказал: «Давайте я договорюсь с дизайнерами. Есть прекрасные команды, они сделают это всё, а потом уже можно будет разобраться как это оплатить кому и сколько». То есть иногда важно успеть. Там реально надо было через 3 месяца всё сдать, нельзя было ничего планировать. И я пригласил на встречу около 5 или 6 компаний, рассказал о задаче и сказал: «Кто из вас готов поучаствовать в этом на таких условиях что неизвестно, когда это будет оплачено, а может даже и не будет?» Как не удивительно очень многие захотели, потому что было доверие ко мне, была вера вообще в необходимость такого решения, и было понимание, что, если это будет реализовано, это как минимум пойдёт в портфолио, ну и ещё есть вероятность что заплатят. В итоге рекламное агентство Озон делало айдентику; Level Design – что они делали я сейчас уже забыл, если честно (по-моему, они вообще другой делали проект); компания ГД которая сейчас называется «Кама» делали навигацию и картинки замечательные. Мне вопросы задают: а почему там какие-то зайчики медведи с буквами с алфавитом; это же новорождённые дети, они же не понимают. Дело в том, что там есть поликлиника – там наблюдаются дети до 7-8 лет, то есть это не случайно всё сделано, конечно. Дима Меркуш – замечательный архитектор, сделал интерьер. То есть удалось собрать команду, очень быстро сделать проект, реализовать его. И я к тому, что главное – чтобы была возможность предусмотрена и были люди, кто реально это хочет делать, потому что, знаете, если всё идеально запланировать, а людей не будет или будут люди, которым всё равно – ничего не получится. Люди — это нефть нового века, вы же знаете.

Юлия Балабанова:

Вопрос был о взаимодействии с государством и государственной структурой. Здесь конечно же важна политическая воля, то есть вот тот самый проект уникальной школы, о которой рассказывал Эркин, он появился именно как политическая воля городской администрации департамента образования. То есть это был лично курируемый руководителем департамента образования проект. Именно поэтому ему везде был зелёный свет. Именно поэтому привлекались предприятия, партнёры, давались повышенные увеличенные финансовые ресурсы каждой уникальной школе, то есть бюджет на эту уникальную составляющую, связанную с профориентацией и с изменением школьной среды был очень большой и конечно же без политической воли выделения средств такое было бы невозможно. В принципе Пермский центр развития дизайна тоже появился как некое проявление политической воли руководства, но в данном случае уже даже не города, а региона. Т.е. здорово, когда есть какие-то горизонтальные силы профессиональные, академические которые готовы что-то делать, но реальные изменения, которые действительно можно ощутить, потрогать возникают скорее всего только тогда, когда во главе региона или города стоят люди с современным мышлением, понимающие какие стоят перед нами задачи.

Асия Нурдубаева:

Спасибо. Я думаю по тому низкому старту, с которым сидят наши гости, было бы интересно выслушать мнения многих о том, на каких позициях сейчас стоит наша образовательная сфера и куда можно двигаться. Вы увидели три разных типа образовательных систем, поняли уже механизмы, Дана нам хорошо так спровоцировала ответы на поставленный вопрос. Возможно у многих назрел этот вопрос: как можно поменять, что можно менять, куда можно двигаться, потому что, то неудовлетворительное состояние, которое вы заметили, Юлия... То есть у многих преподавателей создаётся впечатление что система, которая нагнетает вот именно такую формальную рамку, она нуждается, конечно, возможно в поддержке неформальных каких-то структур, и как вот выйти на этот формат, или как к ним приблизится, или какие такие идеи могли бы быть у нашего сообщества? Вот хотелось бы послушать, если есть конечно комментарии по этому поводу.

Алия Сабьрова:

Ну вообще обычно говорят «У кого что болит...» Поэтому я хотела бы заострить внимание по поводу проблем музыкального образования на сегодняшний день в нашей республике. Дело в том, что мы, на мой взгляд, некритично переносим ту систему научных парадигм по отношению к нашей устной традиции и те стандарты образования, которые приняты, например, в Московской консерватории или в любой другой российской консерватории. Они, всё-таки, направлены на изучение собственной культуры, а не на изучение древней конно-кочевой цивилизации, на которой базируется наша

культура. И поэтому в итоге та система образования, которая сложилась в условиях советского музыкального образования, она некритично переносится на нашу систему образования. В итоге на выходе студент получает ту систему ценностей, которая противоречит изначально его собственной культуре, его собственному мироотношению, которые закладывались предками. Поэтому мне кажется сейчас система нашего образования в нашей республике должна повернуться в сторону познания самоидентичности, т.е. все блоки образования должны подтверждать нашу самоидентичность и быть последовательны в этом плане. Национальная самоидентичность, мне кажется, должна быть такой доминантой в системе нашего казахстанского самообразования. Вспомним, хотя бы, вот ту же самую Японию: в XVI веке культура её была на грани исчезновения, и до XVI века они были под сильным влиянием Китая, Кореи. И именно в XVI веке в эпоху Токугава японцы повернулись в сторону собственной культуры, объявив национальную самоизоляцию. Я, конечно, не предлагаю национальную самоизоляцию, но всё-таки экстраполяция на сегодняшний день той системы, которая, я бы сказала, пагубно действует по крайней мере на систему образования традиционных музыкантов – а традиционные музыканты это у нас кюйши, т.е. домбристы, кобызисты, народные пения, т.е. пения с домброй. Вот эта система музыкального образования, которая у нас сложилась и которая перенесена из российской, вернее, советской системы образования, изнутри разрушает нашу собственную традиционную культуру – вот в этом и трагедия нашей системы образования. Традиционная система образования базировалась на принципе изустности, по принципу учитель-ученик: когда умудренный опытом учитель передавал свои знания молодому ученику, но устно. Сейчас система образования домбристов по нотам осуществляется. Мы, конечно, вынуждены были принять Болонскую систему – никто нас не спрашивал хотим ли мы; мы не взвешивали плюсы и минусы. На сегодняшний день, например, нам навязывается система «50 на 50», когда студент обязан в системе самостоятельной работы сам осваивать программу, где 50% ему даёт преподаватель, 50% [сам]. А для чего тогда нужно было получать вот эту вот многоступенчатую научную базу преподавателю, если студент самообучаем? Вот это непонятно мне на сегодняшний день. То есть «50 на 50» - это система, как объясняют, обучает самостоятельности студента, но где он получит такие глубокие знания, если преподаватель будет может быть только базовые знания на лекциях давать, но всё остальное время [студент] должен самообучаться? Это несколько заблуждение на мой взгляд.

Асия Нурдубаева:

Алия, скажите, это у нас вопрос, наверное, к министру будет.

Алия Сабырова:

Да.

Асия Нурдубаева:

Давайте тогда мы сделаем такую типологию вопросов «Вопросы к

министерству». Очень хорошо, у нас будет запись и мы, наверное, прямо оформим это и направим. Насколько мне известно... Можно я вас прерву немножко? Всё-таки, на сольфеджио уже есть этно-сольфеджио у вас в консерватории?

Алия Сабырова:

Да. Этно-сольфеджио. Вот кстати говоря у нас есть единичные предметы, которые повернуты к собственной культуре. Основная масса, представьте себе, домбристов, то есть, народных, те люди, которые исполняют устный репертуар своей собственной культуры, они изучают полифонию, гармонию, сольфеджио, то есть, это те предметы, которые базируются на письменных нотных культурах совершенно другой цивилизации. Это глубокое противоречие между системой образования ныне сложившейся и тем воспитанием, которое мы даём своим исконным исполнителям.

Асия Нурдубаева:

Да, на такие глобальные вопросы, которые вы задаёте ответов скорее всего нет. Это, ну я не знаю, элективные какие-то предметы у нас есть.

Алия Сабырова:

Поэтому я предлагаю, во-первых, отделить ту систему образования традиционных музыкантов от консерватории и создать институты народной музыки – может быть их так назвать. Или академии народной музыки, в которых все предметы связаны были бы с познанием традиционной культуры, а не европейской. Ну, конечно, в качестве предметов по выбору могут быть и другие предметы — это безусловно никто не исключает, тем более, что есть уже в прецеденты этого, например, открытие таких заведений в Таджикистане, как институт шашмакома.

Асия Нурдубаева:

Ну конечно – институт шашмакома. А у нас будет институт домбры, допустим, институт кюйя. Но я хочу сказать, что в предыдущую нашу встречу у нас была [озвучена] аудиально-оральная такая система (она звучит не очень благозвучно на русском языке), музыкально-словесная культура казахов. Она освещалась филологом Жанабаевым. И в общем я думаю, что импульс задан и давайте с этим что-то делать. Я хотела сказать, что наш председатель хотел сказать пару слов.

Алия Сабырова:

Извините, а ещё можно парочку предложений? При поступлении в консерваторию, в магистратуру абитуриенты у нас сдают английский язык и математику, по какой-то причине. Т.е. музыкантам нужна математика по всей видимости...

Асия Нурдубаева:

А что надо сдавать?

Алия Сабырова:

Я считаю, что если будете [передавать] предложения министру, то надо исключить этот предмет, не мучить абитуриентов, мало того, что английский, в общем-то для многих из них представляет сложность. Это второе предложение.

Третье предложение: мне кажется, надо пересмотреть программы по истории музыки зарубежной и историю русской музыки. Вы, например, прекрасно знаете, что есть такой композитор Бородин, у него знаменитая опера «Князь Игорь», «Слово о полку Игореве» в основе сюжета. И там половцы представлены как враги – это противоречит нашей культуре изначально. Они не должны быть представлены как агрессоры. Мне кажется в этом плане пересмотреть программу истории музыки – она должна считаться с историей именно кочевников. Это третье предложение.

Четвертое предложение: молодежь у нас и среднее поколение тоже очень плохо знают свою традиционную культуру. Не секрет что, если мы обратимся к любому прохожему и спросим: кто такой Курмангазы, например, или Биржан сал, я не сомневаюсь, что многие не знают, кто это такие. Поэтому я считаю, что в гуманитарный блок в школах, в училищах, независимо от того – гуманитарного они профиля или технического, должен быть введен предмет, который называется «Традиционная культура и искусство казахов».

Асия Нурдубаева:

Вы знаете, это хорошо перекликается с архитектурным образованием: европоцентристская система, она, конечно, везде проникла. Я хотела сказать, у нас вот чисто техническое объявление. Извините, я вас прерву, потому что это очень важно.

Арнур Нуркатов:

Уважаемые, коллеги, учёные, я вынужден извиниться и хотел сообщить, что в 20:30 мы уже заканчиваем, потому что мы начали с 18:00, у нас 2,5 часа. Поэтому если есть какие-то вопросы можно будет, наверное, записать их.

Асия Нурдубаева:

Да, вот особенно такие специфические тонкие вопросы мы планируем написать министру и даже министру культуры России давайте напишем про Бородина.

Арнур Нуркатов:

Знаете, более того, я вот был в министерстве и мне кажется, что, если мы сейчас системно эти вопросы соберём и направим – это будет даже правильно. Поэтому если есть вопросы, пожалуйста, можно их в письменной форме предложить.

Асия Нурдубаева:

Давайте напишем, у нас есть бумага и потому что это очень тонкая такая сфера – пожелание каждого говорить о своём. Вот мне казалось, Гайни хотела или Муслим Садыкович?

Муслим Жумагалиев:

Я с Алией соглашусь. Взять XVI век, Жеті Жарғы. Там особое отношение было в юриспруденции. У казахов была продумана эта система отношения к творческим людям, к музыкантам, к ювелирам, вообще к любым творческим людям, даже в процессуальном моменте было продуманно. И я считаю, что нужно именно в образовании тоже. Взять три вуза – «Шабыт», Консерваторию и КазНАИ им. Жургенов – мы в каком-то непонятном состоянии находимся между Министерством образования и Министерством культуры. Мы и там чужие, и здесь чужие. И к нам почему-то гуманитарные требования. Я буду краток: я на сто процентов согласен с Алией Сабыровой, много мог бы сказать, но у меня есть конкретное предложение: надо в Казахстане открывать институт дизайна, потому что понятие, формат «дизайн» это... Я могу назвать как минимум 60 профессий, связанных с дизайном – это и не только в музыке, в интерьере, экстерьере, это и саунд, и всё может быть. И это надо развивать, потому что понятие дизайн изначально, которое было придумано в 1959 году как эстетика промышленных..., сейчас уже вышло за эти рамки. Но при этом, ещё раз соглашусь с Алией, что нужно соблюдать национальную идентичность. Вот у меня дочка училась в Сурикова, и там есть кафедра, [которая] изучает иконопись. Или, например, когда я три года был в Дании, каждую субботу и воскресенье у них в парке Тиволи идёт один и тот же спектакль, и люди идут. Ничего не надо придумывать - у них своё есть, и государство это поддерживает. Те же японцы, например, когда едут куда-то, они везут свои новые технологии, но и свою идентичность не забывают. Они не везут в Англию «Макбета» или «Ромео и Джульетта», они берут театр кабуки. И тот же самый Китай. Вот я про это – мы должны свою идентичность сохранить, но при этом как-то интегрировать.

И тоже по поводу английского языка – он не всегда и не везде нужен. Например, в Турции я был во многих вузах, у них есть целые факультеты, изучающие традиционное своё историческое прикладное искусство и т.д. и т.п., и у них в магистратуру, докторантуру надо сдавать просто турецкий язык, всё. И с математикой я тоже согласен. Со всеми моментами я тоже согласен, честно говоря. Кажется, я сказал всё.

Гайни Чагатаева:

Можно я добавлю немножко? Просто тему интересную задела. Ещё Карл Густав Юнг говорил о том, что коллективное бессознательное кочевой культуры, оно является основополагающим звеном, и истинное искусство оно исходит оттуда. Вы можете обратиться к источнику, если не верите. А вот эта европейская экспансия, она входит в некое противоречие. И мне

кажется, что мы постоянно находимся в таком состоянии вот этого конфликта. Я помню, когда Союз дизайнеров создавался, там группы этно-дизайна открыли, там занимались прикладным творчеством. Но это не дизайн. Мы должны чётко обозначить что такое дизайн. Является ли дизайн искусством и какое он отношение имеет к предметному миру. Я хочу пример такой привести: мы недавно вспоминали нашего друга Владимира Чайку – это мирового уровня художник, знаменитый, может быть, в узких кругах, может многие здесь его не знают, но я думаю, что это такая личность, о которой ещё будут говорить. И что такого основополагающего сделал он в дизайне: мы воспринимаем дизайн, как опредмечивание среды, а на самом деле, дизайнер, он противостоит вот этому предметному миру, он создаёт из хаоса порядок. И Владимир Чайка сумел дойти до уровня Абсолюта, т.е. он вывел дизайн совершенно на другой уровень. И мне кажется, что вот это – проблема наша. Вот сейчас я прослушала несколько выступлений – здесь была методика и методология. Я так думаю, что в выступлении Асии Руслановны в основном методология, далее в выступлениях — это больше методика. Мы опять-таки раскачиваемся в этих понятиях, потому что методология у нас не сформулирована. В моём представлении методология сродни формообразованию; сродни тем проблемам, которые мы сегодня задела. И от того, насколько у нас сформирована методология, то есть система формообразования, зависит наше будущее, наша индивидуальность. Почему у нас, как мне кажется, это моё личное мнение, эпигонское искусство, эпигонство, особенно в дизайне? И мы никак не можем выйти из этого эпигонства. Оно провинциально всегда, потому что у нас нет своей системы формообразования. Но другой вопрос дизайн – это мировое искусство, это система, которая создана для всего мира, независимо от национальности, от культуры и так далее. Там оно структурировано было в начале 20 века в России, в Баухаусе и т.д. все знают эту историю, и практически мы не можем из этого вырваться. Сейчас проблема, мне кажется, она долгое время длится, эта проблема, она долгое время не обозначается – это как раз структурирование основ и основополагающих элементов. В Москве, в России совершенно другой уровень. Они во многом, честно говоря, превзошли нас – у них в России практически структурировалось искусство. Потом эти художники перешли в Баухаус, все знают это, и им есть с чего начинать. В 90-ых они это возрождали: я помню эти лекции на Хилковом переулке. Это было массовое явление, интеллектуализация, возрождение основ и уже на этих основах всё выстраивалось, структурировалось. У нас же получается методом перенесения: практически всё наше искусство с 90-х, которое мы так хвалим – это перенесение из одного географического места в другое, то есть, то что там, допустим на Арбате делали художники какие-то структурные вещи в начале 90-х, у нас это проецировалось и в Кастеевском музее выставлялось. Поэтому я мало ходила на эти выставки.

Я хочу ещё сравнить двух художников – Кузембаева и Владимир Чайка. Они в одно время работали. Что их объединяет? Они оба родились в степи: Кузембаев родился в Чимкентской степи, а Владимир в Астраханской степи. То есть, первое, что они видели перед собой – это пространство, это пустоту, и у них не было вот этой визуальной зашлакованности с момента рождения. Нас подавляет эта визуальная зашлакованность, мы это неосознанно ощущаем. Например, я выходец из советского времени, меня очень сильно угнетало то, о чём сейчас люди даже не вспоминают: все эти плакаты, планы партии и прочее, оно очень сильно подавляло и в подсознании у нас все равно оставалось. И когда я начала заниматься дизайном, я вдруг поняла, что во мне столько мусора. И годы уходили на то чтобы очищаться от этого мусора. Я не знаю, как современная молодёжь (конечно, она несколько иначе смотрит), но у неё другого рода визуальная зашлакованность: сейчас чтобы создать дизайн можно просто полистать интернет; там вырвать, здесь вырвать; сильно напрягаться не надо. Я хочу привести приме – хотя вот на лекции Эркин говорил, что один польский известный дизайнер сказал, что у нас очень литературное искусство, много литературы, но тем не менее, хочу вспомнить Ольгу Борисовну Марк, которая здесь фонд литературный организовывала (мы слушали её лекции, учувствовали во всём). И вот она сказала очень интересную вещь, которая мне кажется относится ко всем видам искусства, она сказала, что любое искусство будет ценно тогда, когда в нём есть основополагающие божественные истины. Любое искусство. *In vino veritas*. *In vino veritas* блоковская, а что за этим стоит? За этим стоит суфийское понимание соития.

Асия Нурдубаева:

Гаини, вы меня извините, много других ещё кто бы хотел высказаться.

Гаини Чагатаева:

Ну ладно. *In vino veritas* – заканчиваю на этом. Вот это стремление к Абсолюту, вот эта вертикаль – надо о ней не забывать, также, как японцы. У них в средневековье сформировалась система достижений Югэн. У нас это все тоже структурировалось, мы об этом не знаем, но я поддерживаю формообразование, поддерживаю вот эти интеллектуальные поиски.

Асия Нурдубаева:

Спасибо большое. Я думаю, что конечно очень интересно всем встретится лицом к лицу и узнать какие-то удивительные вещи. Я думаю, что Светлана Жумасултановна хотела что-то сказать. Пожалуйста.

Светлана Кобжанова:

Нет, ну вы знаете, я здесь сижу как реликт такой. Да, я представляю очень классическую организацию – такую, как музей Кастеева. Но вместе с тем, все музей Кастеева ругают, но все стараются попасть и поучаствовать в выставках. Ну как-то так сложилось. На самом деле, я как бы представляю здесь и музей Кастеева, и в то же время выступаю как педагог. Недавно мы

работали над тем, чтобы разрабатывать вот эти профессиональные стандарты и т.д. здесь присутствуют педагоги Жургенова, мы знаем сколько над этим трудились. И вот по части с дизайном в первую очередь у меня конечно обращение к вам, уважаемые гости: если у вас будет школа дизайна может быть вы обратите внимание как раз-таки на проектирование музейного пространства, потому что это поле непаханое, никто у нас этим не занимается; если выставки приходят, то они приходят со своими дизайнерами, поскольку это требует определённой оплаты. То, что касается [того, что] вот здесь звучат какие-то странные призывы опять замкнутся в собственном... Гаини, я очень ценю и люблю ваше творчество, но что такое европейская экспансия, если мы учились всему именно через европейское?

Гаини Чагатаева:

Нет, я не в прямом смысле. Я на уровне подсознания имею в виду.

Светлана Кобжанова:

Хорошо. Всё, что мне хотелось бы сказать, что мы сталкиваемся, как работодатели, с нашими выпускниками и им элементарно не хватает знаний истории искусства, не хватает каких-то знаний по всемирной истории, поэтому я, всё-таки, за академическое классическое образование. Вот то, о чём мы говорим – воспитывать человека самого по себе – это должно укладываться на какой-то определённый фундамент. Поскольку у нас сейчас страшный момент, когда многие спикеры здесь предлагали опять же замкнутся на своей... Ну мы уже столько ищем себя. У нас эта самоидентификация уже сколько лет длится. Тридцать лет. Ну, наверное, мы уже нашли себя, давайте уже к миру лицом повернёмся. Спасибо!

Асия Нурдубаева:

Мне вот кажется замечательным этот диалог возникает. Как раз вот Галина Рашетдовна тоже закончила МАРХИ, как и я. Я вам хочу сказать, что я закончила МАРХИ, но, когда я выпустилась, вообще не знала, как проектировать; я не знала, как подступиться к своему проектному процессу и прочее. И столько сколько я чертила обломов и архитектурных ордеров, сейчас никто столько не чертит. И это осталось только у нас как некий рудимент. Я не знаю хорошо это или плохо. Я даже и на кальку переводила, я и отмывала, и проектировала, и ротонды, и в общем что-то такое я всё время с этим академическим наследием делала. Но самое интересное, что мне дали вести ЭПАД на 2 курсе в КазГАСА и вдруг оказалась опять ротонда. Я говорю: «Нельзя заменить ротонду хоть на что-то другое? Почему опять ротонда?» Мне просто показалось что она меня преследует по жизни. Я хочу сказать, как в мою бытность в МАРХИ приехал один японец и он говорит: «Боже мой – это нам ректор рассказывал – наконец-то я попал туда куда хотел». Мы так были поражены: японец такой модный какой-то приехал, на казаха похожий, что он тут потерял в МАРХИ. Нам всё за рубеж хочется, а он почему-то к нам приехал. А он говорит: «Я объездил весь мир, только у вас академическое образование в МАРХИ. Я буду у вас учиться». Просидел

полгода и куда-то уехал. Наверное, тоже ему попался ордер. Я уж не знаю, что он там получил такого. Но вот эта у нас политехническая школа немецкая, мы наследники её. Я не знаю насколько она должна присутствовать сейчас в нашем мире и что вообще с этим связано, но мне хотелось бы услышать мнение Галины Рашетовны. После того как она побывала в разных школах – и Политех, и КазГАСА...

Галина Исходжанова:

Спасибо вам за представление. Я академический профессор факультета архитектуры. Уже много лет совмещаю полученное академическое образование в хорошей школе, признанной во всём мире, и нашими замечательными вузами, для которых конечно проблемы идентичности, проблемы сочетания традиционных культур и общих мировых культур – это конечно очень важное взаимодействие. Но я здесь не вижу противоречия. То есть мир искусства настолько многообразен, что мне кажется любая идея, если она – идея – оформляется творческой личностью, всегда найдёт для себя какие-то школы отдельные, направления отдельные. Мне кажется тут противопоставлять не нужно в таком смысле. Что касается архитектуры, допустим, если некоторые виды традиционного искусства действительно понятны и существуют в каком-то географическом пространстве и т.д., то допустим многие виды искусства... А вот кстати сейчас архитектура даже не искусство уже, в том числе и дизайн тоже клонится к тому, что там техническая сторона, то, что делается не на какой-то момент – стакан можно заменить, а задние как заменишь – то здесь какие-то академические вещи понятные различным слоям, направлениям художественным и т.д. Но меня сейчас беспокоит немножко не это, не система образования – что лучше или хуже. Меня больше беспокоит то, что современная молодёжь не имеет вот этих художественных... Но не все. Скажем есть очень маленький процент, которые способны и хотят изменить своё художественное сознание. Большинство студентов хотят зарплату, хотят гранты, ну и так далее по тексту. И это я считаю ужасно, когда многие вещи... Ну это уже не то, что мы преподаватели виноваты, это просто сейчас такая складывается система. Я понимаю, наши российские гости вот это всё прекрасно рассказывали. Я вас всех знаю по литературе, ваши работы видела в различных изданиях. И конечно у вас такая в тот момент сложилась уникальная возможность вот это всё сделать. И я очень рада и думаю, что и у нас есть такие возможности – и это самое главное. И мне кажется сегодня почему мы все говорим правильно, но немножко друг друга не понимаем или вернее не разделяем. И на мой взгляд вот такие вещи, я хочу к вам обратиться, они очень важны, потому что никто не занимается художественным познанием и креативными технологиями. Все говорят об этом, что они нужны. И поэтому конечно очень приятно видеть тут людей с разных [видов] искусства. Нам кажется это должна быть единая программа с взаимодействием со всеми вузами,

школами, со всеми мнениями. Оно в любом случае будет выстраивать какие-то направления. И поэтому я хочу поблагодарить в этом смысле. Может быть у нас не всё получилось, хотя было очень приятно послушать, пусть не всё было видно, но мы поняли вашу мысль. Поэтому я хочу закончить на таком положительном. А то что должно быть много разнообразных направлений и индивидуализация творческая – это в основе всего искусства всегда лежит. Спасибо.

Асия Нурдубаева:

Замечательно. Спасибо вам большое, Галина Рашетовна, что вы так хорошо и по-доброму отнеслись к академической школе. Мы всё думаем, как с ней что-то сделать, модернизировать её, что-то с ней придумать такое, с тем же самым ордером. Я хочу сказать, в Италии никто ордера не чертит. Ну вот сейчас я думаю Артур Шадьяров – архитектор, практик, что-то уже хочет сказать. И ещё я хотела заметить, что Арнур Арыстанович договорился до 20.30 что музыки не будет, но теперь мы под музыку просто будем говорить. Под музыку, я даже думаю, веселее будет.

Артур Шадьяров:

Асия, спасибо большое за предоставленное слово. Мне очень хочется поблагодарить наших гостей, спикеров Юлию и Эркена. Очень интересные доклады. Асия тоже – это вообще тема, которую я уже много слушаю и как-то пытаюсь внедрить в своих работах: мыслить формами, создавая формы, формообразования. Это вообще одна из таких тем, которая, наверное, должна быть самым главным таким инструментом у любого творческого специалиста не важно в какой сфере – архитектор ты или дизайнер. Я сам архитектор по образованию и специализация «градостроитель». В общем-то как бы издалека я пришёл сюда. Тем не менее в связи с различными обстоятельствами, когда у нас были и смены, перемены, перестройки, мне пришлось и в области дизайна достаточно продуктивно поработать – в различных областях, и в рекламе, и на телевидении, дизайн полиграфический, шрифты и так далее. При чем получается я больше самостоятельно этим занимался, потому что учиться не у кого было на самом деле. Это реально такая ситуация была. Но тем не менее я сейчас с удовольствием делюсь своими знаниями и преподаю студентам.

Однажды я (помнишь, Асия?) пошутил в Аграрном университете, когда меня туда приглашали работать, я говорю: «может быть мне надо платить за удовольствие чтобы преподавать?» Потому что там были конечно зарплаты не такие большие. Это до сих пор отношение такое, что в общем-то я хожу преподавать именно потому что мне нравится делиться своим опытом, который я в общем-то получил больше своими силами нежели где-то специально учился этому. Даже пришёл к тому, что самые хорошие вещи происходят именно с детьми. Я сегодня тоже услышал – вот школы дизайна, мне в общем-то это нравится. Для своей дочери, когда она маленькая была, я организовал, как они сами назвали, «творческий субботник». Уже 3 или 4

года мы занимаемся. Дизайн — это не просто рисовать, это создавать любые формы. У меня жена тоже архитектор, но она учит тоже их, допустим, готовить. Я их учу снимать фильмы, фотографировать, создавать программы, в общем всё, что я умею делать, я этому всему учу и мне это большое удовольствие [приносит]. Они просто тоже познавали и очень быстро схватывали. Это действительно именно с детского возраста [необходимо развивать], желательнее с 12 лет – самый идеальный вариант. И с опытом в общем-то я пришёл к тому, что всё-таки на чём же это все базируется образование, о котором мы сейчас говорим. Наверное, надо смотреть более глубже, потому что это базируется на культуре; культура базируется на нашей истории; историю надо изучать. Я уже 20 лет уже участвую в археологических экспедициях, у меня был большой опыт работы по созданию по реконструкции различных памятников. Наверное, знаете, Крым Алтынбеков – известный реставратор, художник – он для меня был и ценитель, и вообще всегда поддерживал мои начинания. И тем не менее это является именно базой для того чтобы создавать различные творческие какие-то исследовательские работы. И вот это изучение культуры, истории – я считаю, что это самый важный момент. Поэтому конечно мы можем изучать и историю там других стран и так далее, ориентироваться на это, но, если мы будем хорошо знать свою историю, мы будем более продуктивны в этом, решать эти вопросы. Я вот помню даже недавно как-то пришёл в группу студентов и первым же вопросом спросил: «Что такое любовь?». Все сразу конечно так заулыбались, заинтересовались. Я говорю: «Весна... Вы же, наверное, чувствуете, что это действительно вас как-то должно двигать на что-то. А кто это придумал слово? Откуда оно вообще взялось-то. Что это?» И тут начинают вспоминать. Вот помните, Спанч Боб, который говорил, что нам нужно вдохновение. Как радугу показывал «вдохновение»... Я хотел сказать, что вдохновение тоже базируется на понятии «озарения». Тоже древнее слово, которое удивительным образом превратилось из казахского слова «сәулет», которым называется сейчас именно архитектура. Это вот, наверное, единственное слово, перевод которого более-менее удачный был. Все остальные слова конечно вызывают сомнения: там бордюр, ещё что-нибудь такое, балкон... Зачем это все переводить? Но сәулет – это восход солнца, озарение. Озарение – это суфии. Допустим, тот же Омар Хаям говорит про любовь.

Асия Нурдубаева:

У тебя доклад? Артур, извини меня друг.

Артур Шадьяров:

Да нет, я просто немножко разошёлся, извините меня. Я просто хотел сказать о том, на чём должно базироваться наше знание. Именно на культуре, именно на изучении нашей истории, глубоком изучении. Вот это вот самое главное. Я мог бы много привести примеров как мы, кстати, с Консерваторией в

прошлые времена архитектуру и музыку соединяли, и наши студенты пытались там что-то делать. Тоже было. Это были такие моменты.№

Асия Нурдубаева:

А твои предложения? Есть у тебя предложения, ты написал их?

Артур Шадьяров:

Я напишу.

Асия Нурдубаева:

Спасибо тебе! Вы знаете, давайте я вас сразу предупрежу: всё-таки музыка сильно как-то нас беспокоит, поэтому говорите громче и не забывайте, что многие тоже хотят высказаться. Гульнара Ойратовна, пожалуйста вам слово. Это наш известный киновед, мы вместе работали. Самые тёплые чувства какие только бывают я всегда испытываю, когда вижу Гульнару Ойратовну. Пожалуйста

Гульнара Абикеева:

Спасибо. Я постараюсь уложиться в 3 минуты по кинообразованию потому что это художественная сфера. У нас 4 вуза – 2 государственных, 2 частных. Жургеневка – это государственный, и Университет Шабыт. 2 частных – Туран и школа, где сейчас я работаю, Школа медиа и кино AlmaU. Так случилось, что я в чатах 3 вузов. У меня ежедневный срез – что происходит в 3 вузах. Значит, Жургеневка – безумное количество бумаг, безумное количество каких-то отчётов, сильно закрученные гайки. Я вообще не представляю, как можно работать, но люди работают. Шабыт. Я не в Шабыте. Значит «Туран» – молодая команда, креативная: то у них дискотека, то у них показ фильмов – очень всё хорошо. Ну AlmaU, поскольку школа новая и она делается в сотрудничестве с Arizona State University... Мы год как существуем и целый год идут зумы. Ну днём мы работаем, а после 9-10 зумы с Аризоной, с Турцией и так далее, в общем всё на английском и сплошная как бы вырабатывается платформы сотрудничества. Что я знаю про «Шабыт» - это очень хорошо оборудованная киношкола, много купленного оборудования, что они даже её не используют: настоящие рельсы, два съёмочных павильона, в общем лучше Казахфильма, ну очень хорошо оборудованная киностудия. Вот примерно такая картина у нас с кинообразованием. Как понять где готовят лучшие кадры? Проходит фестиваль студенческого кино, и мы смотрим кино. Ничего не могу сказать, но в Жургеневке самые лучшие картины. Нет, просто качественнее. На втором месте по картинам идёт на мой взгляд (ну я совсем просто недавно в мае была) – «Шабыт». Значит там они какие-то более современные что ли, но такие тоже «арт-арт». Что касается «Турана», там просто абсолютный уклон на коммерческое кино, то есть на сериалы; то есть смотришь – оно абсолютно всё коммерческое и я даже не могу понять почему. Вроде как и педагоги там такие не сильно коммерческие. Но может быть [потому что] это коммерческий вуз. Ну пока AlmaU нечем хвастаться, у нас ещё нет картин,

мы год существуем. И единственный вывод, который я сделал из всего этого, что ни от чего не зависит: не от закрученных гаек, или от хорошего оборудования, или от энергии молодых. Всё зависит только от преподавателя, от мастеров. Вот я хочу поблагодарить господина Кагарова, который вспомнил ВГИК, систему мастерских, потому что, если хороший мастер (а получается, что вот ну сейчас всё ещё самые сильные мастера это в Жургеневке), получается хорошее кино. Поэтому я думаю, главный компонент для творческих вузов – это те люди, которые там работают. Я прошу прощения, да, у меня очередной зум.

Асия Нурдубаева:

Понятно. Спасибо, Гульнара Ойратовна. Ну вот вы скажите, вот тут главный вопрос: если у нас всё зависит от преподавателя, от его креативности, у нас очень большой процент не креативных преподавателей в креативной сфере. Что с этим делать? У вас есть какая-то острая мысль об этом?

Гульнара Абикеева:

Острая мысль только одна, на самом деле, что от педагогов и от педагогов-мастеров [все зависит]. Почему мастера-педагоги хорошие? Потому что они не считают своё время, они не проводят там с 2-х до 4-х лекции и не уходят домой. Мастерские — это, как правило, до 12 ночи, до часу, пока не добиваются результатов, то есть насколько люди готовы вкладывать в детей, в студентов.

Асия Нурдубаева:

Но это изначально ведь не идёт от формата мастерской?

Гульнара Абикеева:

Идёт. Я думаю, что это формат мастерской.

Асия Нурдубаева:

Формат мастерской? То есть это всё-таки пространство, да, Юлия?

Гульнара Абикеева:

Нет-нет, это человеческий фактор.

Юлия Балабанова:

Вот я сейчас как раз говорю о том, чем мастер отличается от обычного педагога на ставке. У мастера есть интенция, есть внутреннее намерение, желание что-то изменить: изменить этих детей, помочь им. У мастера есть авторская субъектная позиция, то есть он действует, опираясь на собственную личность, собственный опыт, своё видение. Педагог на ставке он чувствует себя транслятором неких условно объективных знаний и вот как раз вот этой личной включённости, к сожалению, нет. Но именно строя институцию, именно выстраивая образовательную систему, если мы учитываем это как значимый фактор и закладываем это в образовательную модель, мы можем с этим работать и на это опираться.

Асия Нурдубаева:

Великолепно. Надо открывать мастерские. Ну вот смотрите, в КазГАСА у нас был одно время такой опыт. Вот сейчас я хотела бы, чтобы вы можете быть сказали, Мехрибану. Но вот были мастерские, дали такие красивые значит отсеки, они такие были в квадратиках. Помните начало этого процесса, вы тогда уже работали в КазГАСА, я помню, да? Вот вы можете про этот процесс немножко сказать, потому что я вот помню, приезжал из Казани один мой знакомый, и он сказал: «Как у вас классно. У нас в Казани такого нету. У вас у всех мастерские, у всех профессоров КазГАСА». Что с этим случилось, можете немножечко сказать?

Мехрибану Глаудинова:

Добрый вечер, уважаемые коллеги! Очень рада присутствовать. Действительно я росла в этой системе и училась в этой системе, когда существовали эти мастерские, когда были действительно личности, которые предлагали свою собственную методику авторскую. В последующем, я полагаю, с развалом всей этой системы, переходом на систему болонскую, кредитную, так называемую, всё это каким-то образом распалось, действительно. Ни для никого не секрет, все мы – работники образования. На самом деле меня очень интересует, как при вашей школе, которую коллеги хотят организовать здесь в Алматы, как вы будете это соотносить с той жёсткой системой регламентов, которая существует, в которой мы все работаем сейчас, все наши вузы и мы в том числе. Кончено, вот эта система, наверное, зависит, как вы говорите, от воли, в частности, от воли руководителей вузов. Я тоже работаю в вузе частном и сейчас у нас такая тенденция – вернуться к этим мастерским. Я надеюсь мы это воплотим в будущем, потому что без этого никак нельзя, и без, скажем так, вот этого вот ремесленного перехода и диалога между учеником и мастером невозможно построить качественный дизайн, архитектуру, в общем-то творчество как таковое. У меня вот есть такая мысль, я не знаю, она хулиганская может быть немножко, мы говорим о вот этой дихотомии формального и неформального образования, академического/неакадемического и прочее. Перед нами есть образцы академического образования, есть система скажем так общественной сферы, в которой существуют образовательные сферы, есть учебные методические объединения, есть какие-то своды, конгрессы образовательных структур. Может быть сейчас создавать какие-то общественные организации между вузами креативных сфер, то есть сделать это тоже неформальным, вот как вы сейчас проводите эту работу. Мы созрели, я так полагаю. Мы видим сегодня на нашей площадке, что мы очень соскучились друг по другу, по большому счёту. И большое спасибо фонду «Аспандау», организаторам то что есть возможность обменяться какими-то мнениями, потому что это важно. Мы сидим здесь, продумываем, буквально некоторые мысли приходят по ходу размышления, и я думаю в таком вот целостном направлении развития наших предложений может что-то получится. Но я сейчас (поскольку я административный работник сейчас

больше чем какой-либо другой) конкретные предложения работы с Министерством образования, с департаментами образования на местах [выскажу]. Конкретные предложения, например, по нашей же архитектуре. В частности, когда идёт разграничение по группам образовательных программ, видимо [принятое] не специалистами, которые не понимают каким образом их соединять. Например, в частности, мой наболевший вопрос: то, что специализация, направление «Градостроительства» находится в группе образованных программ «Строительство», которая никогда этим не занимается. Это вообще нонсенс абсолютный. Мы постоянно об этом пишем, говорим, пытаемся достучаться и прочее. Но в последнее время я конечно да, пытаюсь, мы надеемся, что теперь власть предрасположенная всё-таки к нам прислушаются. И я очень за идею, которую вы озвучили сейчас – внедрение магистратуры на том уровне и категории, которые вы озвучили. Нам это абсолютно необходимо, потому что это – подготовка тех функционеров, я так предполагаю, которые будут понимать наши проблемы и продвигать их уже на уровне властей. И в этом плане, конечно, мы только за и ждём воплощения этих идей. Ну а мы, конечно, в стороне не останемся.

Асия Нурдубаева:

Веллком вам говорят. Я хотела, пока вы горячо так говорили в самом начале своей речи, что неформальные связи между вузами могли быть вот как раз то, что вы сейчас возродили, как-то искру такую заронили... Мне кажется, что уже давным-давно назрела арт-лаборатория межвузовская, но наверное она должна быть неформальна. Возможно вы нам что-то посоветуете. Почему? Потому что все об этом говорят. Вот на всех перекрёстках, на всех фуршетах, которые связаны с арт-тусовками, я всё время слышу об этом желании, что нам вроде бы надо общаться, «давайте это сделаем...» Министерство нам устраивало какие-то брифинги и спрашивало: что вам нужно. Я говорю: «Нам нужна лаборатория 3D... чего-то там, мышления». А они говорят: «Замечательно. Напишите». Я им пишу. Который год пишу. Вот она где-то осталась за кадром. Я хочу сказать, что скорее всего, формальная рамка не справляется с этим; скорее всего, это должно уйти в этот неформал. Возможно это должна быть какая-то частная инициатива, возможно, я не знаю. Сегодня должен был прийти Асхат Садуов, но что-то видно пошло не так как говорится, директор Алматыгенплана. И вот мы с ним недавно поговорили. Он сказал: «Я хочу открыть у себя открыть такую лабораторию». Я говорю: «Ну, великолепно, мы все рады тебя поддержать, если ты как-то заложишь фундамент». Он говорит: «Ну в течении года я закуплю всё необходимое оборудование». Это новый директор у нас. Но вот эта неформальная рамка... Возможно вот сейчас мы запишем эти предложения, и мы напишем какой-то общий итоговый документ, разошлём. Я прошу всех написать своим е-мейлы чтоб было понятно куда мы движемся, чтобы это не ушло в Лету, как говорится. Но вот такая замечательная инициатива. Да спасибо вам, Мехрибану. Но мне кажется, у нас почему-то

очень активный вот этот стол слева от меня, а вот справа все мне улыбаются. Вот возможно кто-то хотел бы сказать, что он думает по данным вопросам.

Назира Кулманова:

Ну вы всё время на нас смотрели, на меня смотрели, но давали голос этой стороне, поэтому это не в нас дело, а в вас дело.

Вот. Ну, во-первых, я академический профессор Каспийского общественного университета, доктор технических наук. Ну по базовому образованию – строитель, но по специализации в технологии строительных материалов, в том числе геотехнике – наука о земле, грунтах и так далее, т.е. всё в моих руках. Я хочу сказать, вот смотрите, у вас конференция называется «Художественное познание и проблемы практической реализации» дальше идёт «Перспективы и современное состояние образовательной сферы». Выступали люди в совершенно разных направлениях, понимаете? Я уже прошла тысячи конференций, 54 года стаж, и на двух всемирных конгрессах участвовала. То есть нельзя вот так вот, посмотрите: музыканты домбру хают или же там это, эти то-сё, а по образовательной системе не говорится. Тут нужно было, как говорится, чтобы все акцентировали именно на образовании. Но это я как критик. Но это больше общее, не буду критиковать. Я тоже выскажусь об эстетическом воспитании, об эстетике, о дизайне. У нас кстати называется Академия строительства, архитектуры и дизайна, с которой мы входим в состав Каспийского университета. И здесь я хочу сказать, что второй докладчик говорил: «Вот мы будем тут создавать школы, вот мы там украсим птичками, рыбками стены и так далее». Так это дизайнерами заложено. Когда строится здание и когда работают архитекторы, они уже всё это продумали. Далее – мы говорим об эстетическом воспитании, о культуре. Мы в 21 век вошли, мы говорим о развитии человека, поэтому нужно с детства в доме родители должны направлять детей и развивать, и чтобы они все знали уже истинные произведения искусства. Ну мы, как строители, я своим детям внушала уже архитектуру Росси, Растрелли, Кваренги, потом Микеланджело – всё это. Детей надо с детства водить по музеям и привлекать к этому. И тогда у человека рождается в течении всей жизни эстетическое воспитание и восприятие мира уже с другой стороны. Понимаете, к красоте тянет. Познание должно быть. Поэтому, если говорить о перспективах и современном состоянии образовательной сферы, я бы лучше ввела курс «Культура современного специалиста» (Можно и в колледжах, можно даже в школах и институтах), чтобы элементарные вещи, на которых базируется наше образование и наша культура, поведение наше в обществе базировалось именно на тех истинах, которые мы должны знать, начиная там и с 15 века, и с 16, и так далее. И в то же время никогда не забывать великих мастеров, таких как Микеланджело, Рафаэль и так далее, то что в Италии все это есть. Это всё дети уже должны знать. И тогда наше наследие, наши дети, наше молодое поколение с детства всё это охватывают, и мы вырастим здоровое

культурное поколение; и нечего критиковать там: то не так, это не так, те за домбру взялись, эти за то взялись, это те кюйи были, это те. Наука развивается, ничто не стоит на месте. Я конечно техник и я знаю, как в технике у нас существует сейчас нано-технологии, все мы отходим от прежнего. Тоже самое должно быть и в художественном развитии: музыки, балета, театра, кино, рисования и так далее. Вот, ну это, чисто говоря, мои выступления. Каждый при своём мнении остаётся, но всё-таки хотелось бы чтобы... Я за культуру молодого поколения, которое на равных войдёт во всемирную колею и во всемирную историю. Вчера вот мне посчастливилось побывать на совещании, которое проводила школа Сколково. Представитель американский был. И вот мне понравилось, что были студенты Назарбаевской школы и КБТУ и ещё другие. Они с этим ведущим американцем по-английски говорили, переводчика не надо было. Вот уровень уже идёт какой. Внушайте детям с детства, со школы «учись как следует» и вырастит нормальное поколение. Если вот это всё – «там тебе в школе чёта дадут, а может и не дадут» - от этого ничего хорошего ждать не надо. Ну это моё пожелание, человека который прожил уже много – уже я пять тысяч студентов пропустила через себя; даже вот это здание, в котором мы сидим, я водила студентов на экскурсию [сюда] когда оно строилось и академик Жунусов (он сейсмолог, он был зам. директор по науке НИИ Промстройпроекта; здесь на 7-м этаже стоит сейсмостанция) нам говорил, что вот здесь мы следим всё время за колебаниями, которые здесь идут. Вот об этом надо говорить: чтобы вот грамотные были, ни как попало там «красиво и эстетика», но и чтоб грамотно было. И вот это грамотное поколение оно будет знать. И я ещё хочу сказать, вы смотрите – стоэтажные здания... Я не была в Астане, там стоэтажные достроили или нет... Там пытались сначала. Но башня Бурш Халифа (я была в Эмиратах) – 100 этажей, понимаете. И каждый этаж надо обслуживать и эстетически, и дизайнерски, и технически. И люди лезут туда, и обратно спускаются, и не остановишь. То есть видите какое развитие мира, развитие строительства, архитектуры, дизайна во всём. Людей привлекают, они с удовольствием идут, смотрят и на этом они поднимают свой уровень. Вот на этом я хочу закончить. Сказать спасибо за внимание. Может быть вам не понравилось.

Асия Нурдубаева:

Спасибо вам большое. Извините, что не сразу дали вам слово. Это наша ошибка, наверное.

Назира Кулманова:

Да, ну в общем-то я привыкла выступать везде, в любом обществе, поэтому я не смущаюсь никогда, это уже школа моя, так сказать.

Асия Нурдубаева:

Спасибо большое. Вот я хотела вашу мысль о том, что нужно готовить в первую очередь личность [продолжить]. Вот уже японцы и финны об этом задумались и первый год они, когда поступают, занимаются как раз вот этим

общим культурным уровнем: они его поднимают, учат просто за собой ухаживать, одеваться. Вот какая-то такая философия жизни прививается молодому поколению. И вы правильно, конечно, заметили, что частные школы, которые выпускают таких замечательных молодых людей, которые могут в диалогах разговаривать на английском – это заслуги частных школ, конечно, не всех, но кого-то, да. Ну историческое знание возможно у них хромает, но вот такие в мировой практике [школы] считают инновационными, что они вот как раз культурным уровнем будущих студентов... Даже это не foundation; так они объясняют, что на I курсе они этому обучают. Ну, замечательный опыт. Я хотела узнать, есть ли у вас желание сказать?

Назира Кулманова:

Я хочу добавить. Я довольна, что они приехали и будут работать развивать что-то, но я хочу сказать, что у нас база шикарная. Вы просто не знаете. У нас очень много культурных людей, очень образованных и очень-очень воспитанных.

Асия Нурдубаева:

Спасибо вам большое за эту оценку.

Юлия Балабанова:

Мы совершенно в этом не сомневаемся. Более того, нет абсолютно никакой даже тени колонизаторского сознания, если вы можете нас в этом заподозрить.

Назира Кулманова:

Об этом вообще забудьте. Слово «колонизаторский» вообще забудьте и выкиньте.

Юлия Балабанова:

Нет, как раз об этом надо говорить как о негативном явлении. Эркен Медатович имеет огромные культурные связи и корни в Алматы, поэтому прекрасно знает...

Назира Кулманова:

Наше местное население, которое было самое-самое, в своё время 50 миллионов убили.

Юлия Балабанова:

Хорошо. Конечно.

Асия Нурдубаева:

Спасибо вам большое. Это замечательный получился спич на тему чтобы мы вспоминали, что у нас старшее поколение обладает вот таким вот взглядом. Я хотела узнать, есть ли у нас ещё те, кто мог бы или хотел бы задать вопрос, или высказаться?

Муслим Жумагалиев:

По поводу вопроса поколения, воспитания. Вся проблема в том, что в нашем государстве как таковая отсутствует идеология. А идеология опять же опирается на традиции, обычаи. И человек, когда знает свои корни, он будет уже относиться с уважением к своей культуре, к чужой культуре, вообще к мировой культуре. Вот пример: я и в Финляндии это видел, в Скандинавии видел, там с 5 лет начинают объяснять, кто такие викинги, кто такие вообще скандинавы. Тоже самое у японцев. Вся проблема в этом. Именно отношение нас к государству и государства к нам. Государство должно повернуться лицом вообще к людям. Взять ту же самую Германию – у них сам дизайн это один из экономически образующих сегментов. Они туда очень много вкладывают, зная, что то, что придумает дизайнер – завтра это будут рабочие места, это завтра будут экономические вложения. Они очень много вкладывают в понятие дизайн в государственной системе. Я почему говорю надо создавать институт дизайна? Чтобы планировали что нам нужно. То же самое отношение – я видел Эмираты с 91-го года: какими они были и какими они стали. И там есть ощущение, что это арабская страна. У нас, например, про Астану не скажешь, что это казахская страна; не назовёшь её казахстанской столицей. Вот даже само название Нурсултан – всё арабское. И тоже самое Казахстан – это персидское название. Вот именно самоидентичность у нас должна быть в первую очередь. Во-вторых, отношение в образовании. Вот жалко, что Гульнара Абикеева ушла. Болонская система двоякая какая-то. С одной стороны, очень много хорошего, но с другой стороны, извините. Я вот в Европе в болонской системе – профессор, а здесь я просто обычный доцент, вот. И понятие магистр переводится – мастер, а у нас что бы стать магистром надо просто писать глупости. У нас люди, не имея практики, пишут, становятся магистрами, докторами наук. Вот это отношение в образовании. И у нас не семинар, у нас именно дискуссионный стол, да. Мы сейчас обсуждаем, говорим, хотим донести до высокостоящих чтобы они... не высокостоящих, а именно наших слуг, слуг народа, чтобы они поняли, повернулись к нам лицом и поняли, что именно историю делают два человека: это чиновники (политики имеется в виду) и мы – художники, творческие люди: музыканты артисты, архитекторы, дизайнеры, мы вносим свой вклад. Вот что хочется донести до них.

Асия Нурдубаева:

Спасибо вам большое. Я хочу сказать, что вот раз мы шагаем в инновационное сообщество, в такой формат, то там, знаете, предполагается, что высшее образование должно получить 60% в обществе. Я хочу вас удивить, но допустим в России это примерно 18% всего лишь. То есть, чтобы туда шагнуть нам нужно иметь это высшее образование. В области культуры у нас всего 15% кто имеет высшее образование, некую квалификацию. И сейчас в Казахстане культ этого высшего образования, который транслируется теми органами, которые принимают это, наверное, чиновники.

И я вот иногда думаю: вы сказали, что они пустые работы пишут. Это совершенная правда. То есть это очень формальный подход, ради диплома. Да, мы все об этом знаем, но не знаем, как с этим справиться. Наверное, вот эта пресловутая идея о том, что профессорско-преподавательский состав тоже должен как-то отвечать на эту историю и своей квалификацией как-то менять эту картину. Возможно нам нужен какой-то институт повышения квалификации. Вот я так думаю. В советское время была замечательная система: в МАРХИ у нас на 2-м, на 3-м этаже жили эти по повышению квалификации по 3 месяца, по 8 месяцев. Они делали домашнее задание, жили в общежитии, и уезжали на свои места. Это была такая продуманная система. Приезжали со всего Советского союза люди, и я иногда с ними общалась, было очень интересно. Им преподавали маркшишники. Ну маркшишники тогда были самые продвинутые в этой области и у них была такая институция. Я вот думаю, может быть нам как раз вот распространить [эту идею]. Потому что, вот смотрите, курсы повышения квалификации 72 часа нам регламентируется отделом кадров. Нас всех там мучают этими 72 часами; не 36, не дай бог, а вот именно 72 часа; и все подделывают и 72 часа пишут. Я хочу сказать, что они бывают очень утомительные, и очень непродуктивные, и не конструктивные вообще эти курсы. Я даже хочу сказать, как мы тяжело сидели – вот тут сидят люди – как нас мучили вот этой субъектностью. Я хочу сказать, Юлия, нас прям мучили субъектностью, хотели, чтобы мы из себя выдавили человечность, гуманизм и всё прочее, и я так не уставала никогда в жизни: целый день сидишь и выдавливаешь. Я понимаю, но, когда тебя можно сказать насильно заставляют это делать, это чудовищно. Там не было 72 часов, слава тебе, господи, было меньше; нам приписали эти 72 часа. Это конечно смешной опыт, но я хочу сказать, что никто бы не отказался послушать Эркена Кагарова, послушать Юлию, и я думаю всех нас, кто сегодня не в отпуске, а пришёл сюда все-таки послушать, потому что у каждого есть своя замечательная тема любимая, сердечная, которую кто-то может рассказать очень интересно; то есть у всех свои нарративы, у всех свои байки. Я даже наоборот боялась, что наш стол выльется в воспоминание «Как моё творчество становилось, и какие были препоны и барьеры» и всё такое. Но мы как-то вырулили и на этом не остановились. Вот давайте это как предложение какое-то [отметим]. Я, например, очень страдаю, когда вижу равнодушного преподавателя. Я во многих вузах работала, их сразу видно, и у них результаты очевидные определённые, то есть они просто работают на ставку, это понятно. Я не то что там смотрю на кого-то, здесь таких просто нету, вот. Я надеюсь, что вы меня правильно понимаете. Ну может быть это такое должно быть предложение, потому что это назрело. Возможно наше само общество к этому идёт; возможно благоприятная геополитическая обстановка (назовём её так) для нас, для Казахстана, приведёт к каким-то новым неформальным форматам. Вот я где-то об этом сейчас хочу сказать простыми словами без познавательной функции, которую мы вот так поставили, Фонд так сформулировал (это, наверно, заслуга Фонда). Но всё равно тема очень широкая и я думаю, что давайте,

если больше нет докладов или «воспоминаний о моём творческом пути», то давайте предложения напишем, соберём их; будет итоговый документ, который мы в наше слышащее правительство отправим – у нас оно слышащее, а мы говорящее общество, судя по всему – вот мы это пошлём и возможно будут какие-то, ну если не сдвиги, то во всяком случае мы будем двигать какую-то ситуацию, какое-то общественное мнение и какое-то структурирование, скажем, этих проблем. Хотя бы так давайте назовём это аккуратненько, да. Кто-то хочет ещё сказать?

Донченко Семён:

Здравствуйте, уважаемые коллеги, ну в частности, из области архитектуры, дизайна, строительства. Я являюсь магистром технических наук, специальность «Архитектура и градостроительство». В настоящее время работаю в качестве ассистента профессора при Каспийском общественном университете, Академия архитектуры строительства и дизайна. Хочу поблагодарить за очень содержательную презентацию Асию Руслановну Нурдубаеву, Юлию Сергеевну Балабанову и Эркена Медатовича Кагарова, большое спасибо. Я по первой специальности дизайнер интерьера, поэтому мне очень интересно было также посмотреть аспекты визуального и скажем так пешеходного, т.е. внутрикоммуникационного оформления на примере Пермского перинатального центра, и по поводу заключения дискуссии, которая здесь была, непосредственно, я бы хотел один из пунктов, который я отметил, добавить от себя. Учитывая свой опыт как студента местных вузов, конечно, я хотел бы добавить пункт (ну все пункты озвучивать не буду, хочу только один озвучить). Суть этого пункта, предложения заключается в более углубленном сотрудничестве кафедр профессиональных по непосредственно специальностям архитектуры, дизайна, в частности, возможно, строительства тоже уровня бакалавриата (возможно, магистратуры, но скорее всего, это к бакалавриату в первую очередь относится). С тем, чтобы помимо практик, которые заложены программой, различными нормативными, правовыми документами, с тем чтобы непосредственно углубить, если так можно сказать, подготовку студентов ещё при выполнении курсовых работ, то есть, чтобы им давались какие-то работы, которые реально коммерческие или государственные организации, допустим, выполняют и они также, допустим, рассылают, какой-то, так сказать, клич бросают или какие-то делают предложения коммерческим и государственным вузам. И непосредственно курсовые работы студентов (возможно, на уровне конкурсов какой-то отбор пройдут), чтобы они были реализованы и при этом чтобы студенты даже как-то практиковались. И какие-то ведущие работы (т.е. не курсовые, а там рейтинговые скажем) выполняли в живую, т.е. не в папку, а то, что потом будет реализовано хотя бы отчасти. Большое спасибо за внимание.

Асия Нурдубаева:

Спасибо, ну вы запишите эти предложения там на этом красивом листочке.

Светлана Кобжанова:

Можно я немножко прокомментирую? Потому что с Архитектурно-строительной академией у музея Кастеева были уже такие проекты, при чём мы не говорим сейчас о курсовых, мы говорим о дипломных работах. Ну нужно сказать, что практика показывает, что ну не справляются дипломники и ничего из того (сколько у нас там было? Допустим, 10), вот из 10 проектов, у нас ни один не прошёл. Мы красивенько защитились в залах музея и так далее. Но поэтому по поводу курсовых работах, я думаю, что вы немножко преувеличиваете степень талантливости наших учеников, а дипломные работы, можно опять же попробовать. Но может быть какой-то стимул или как-то они совместно (то, что мы говорили, помните, когда делили по мастерским), что ни один человек делает проект, а каждый какой-то определённый фрагмент – может быть так что и получиться.

Асия Нурдубаева:

Замечательно. Смотрите, конечно, у студентов есть свой потенциал, есть свой потолок – это понятно. Вы скорее всего ещё в состоянии такого ученичества и хорошо его помните. Я хочу сказать, что это огромная проблема общества – никто не хочет учить студентов. Ты заключаешь эти договоры, он куда-то идёт бедняга, потом разочарованный приходит. Вот тут сидели два моих студента; я каждый день ходила на практику и поняла, что никто студентов учить не будет, и мы стали делать с ними макеты. Представляете, просто мы сделали то, что вы у меня видели – эти макеты. Я каждый день ходила как на работу, и они были очень довольны, что у них такая практика была, потому что никто не хочет этим заниматься, ведь это время, это деньги. Это наставничество, оно полностью отсутствует, как в советское время. Все мы вышли из СССР, может считанные единицы молодежи тут сидят, но мы это помним. Тогда это было нормой, нам ещё даже денежки платили за то, что ты техником-архитектором работаешь, 70 рублей платили. Это огромная проблема. Я думаю, это экономическая такая проблема и наши попытки участвовать с музеем в каком-то диалоге они закончилось просто картинками: мы защитились красиво у вас в зале, было всё серьёзно и т.д., но это скорее воспитательная мера, которая не может быть реализована скорее всего, потому что проблемы у Музея были огромные, на это не хватило бы ни компетенции, ни времени – это, всё-таки, формат дипломного проектирования. Поэтому давайте мы, как предложение оставим. Но это какая-то неизлечимая болезнь общества, я так понимаю, на данном этапе.

Артур Шадьяров:

Извините, я хочу ещё именно по этой теме чуть-чуть дополнить и вообще просто свою мысль сказать. В прошлом году я беседовал с нашим ректором. Два часа мы беседовали очень откровенно по поводу образования, естественно. Я не стесняясь высказал конкретные проблемы, которые существуют в нашем вузе. С позиции архитектора практикующего, который

сейчас в данный момент работает, я готов был бы принять на работу кого-то, допустим. В то же время я вижу огромную дистанцию между человеком, который сейчас обучается и тем, кого я должен буду потом взять к себе на работу. Я сказал: «Это практически невозможно сейчас, я бы не стал никого брать». За 5 лет я два-три человека увидел, с которыми я мог бы работать, но в реальности такого нет - это огромная дистанция. Человека надо будет ещё обучать и учить жизни, учить многим понятиям, которые не доступны, в общем-то, в системе образования – это большая проблема, на самом деле. И ректор это понял прекрасно. Но тем не менее даже сейчас, несколько человек приглашая работать к себе и даю им достаточно простые задания, и вижу, что они с большим трудом справляются. Тут не приходится говорить о том, чтобы какие-то хорошие красивые проекты давать... Интересные идеи – я именно на это ставку делаю, потому что творческая жилка у студентов есть, и большой потенциал – но в реальности его реализовать практически невозможно. Я в этом вижу огромную проблему, которую надо как-то решать. Спасибо.

Светлана Кобжанова:

Извините пожалуйста, я не могу прочитать имя на табличке, вы педагог или у вас есть частная фирма? Вы говорите: «Взял бы я на работу». То есть вы преподаёте и у вас есть какой-то бизнес или что-то где вы реально воплощаете проекты?

Артур Шадьяров:

Да, я уже говорил об этом – я практикующий архитектор, у меня есть своя компания: я работаю по градостроительству, по объёмным жилым зданиям и параллельно ещё и преподаю, и еще веду школу дизайна для малышей. То есть, я этим с удовольствием занимаюсь.

Светлана Кобжанова:

Но кто у вас работает тогда, если вы никого не берёте?

Артур Шадьяров :

Большая проблема. Очень мало. Я приглашаю и работаю только с профессионалами, и в общем-то, мы работаем с разными специалистами из разных городов даже, и какие-то работы я совмещаю.

Асия Нурдубаева:

Ну это конечно нескончаемая проблема, нескончаемая боль всех архитектурных и дизайнерских факультетов. Она не решается, и я не знаю какие рычаги могут быть, но давайте попишем предложения может быть что-то и сдвинется; может быть кого-то осенит, и экономика у нас сдвинется. Ну вот хотели сейчас сказать со стороны нашего Жургенова преподаватель.

Гульнара Бекибаева:

Я работаю на кафедре Мода и дизайн костюма. Была приглашена

преподавать (я вообще не собиралась преподавать) в далёком 97 году, когда все производства остановились. А так я больше практикующий дизайнер уже на протяжении многих лет. И совмещаю как раз-таки преподавательскую и дизайнерскую деятельность; работаю с брендами, очень хорошо знаю. Кстати приходите в казахстанские бренды одежды (не все знают, что они у нас есть в Казахстане) по мужской одежде, по обуви, по головным уборам, по чулочным, носочным изделиям. Все только знают то, что глянцевого у нас есть: Аида Кауменова, Куралай Нуркадилова и так далее; подиумные вещи, [про] которые все думают, что, если по подиуму прошло, это и есть работа дизайнера. На самом деле она далеко не такая. Это как раз-таки гармонизация среды, то, что мы носим, если сейчас мы посмотрим кто в казахстанском у нас одет, да. И когда я со студентами работаю и работаю со своими коллегами, с различными брендами, директорами... Вот Любовь Николаевна, которая буквально недавно умерла, председатель Ассоциации легкой промышленности, она прямо мне в лицо и говорила: «Каждый год вы выпускаете столько выпускников, столько дизайнеров. Где они? И как раз-таки у себя на бренде мне нужны конструкторы и так далее и так далее, люди, которые сейчас могли бы взять и работать». Что хорошо, когда британская школа... Я раньше об этом не знала, когда пришла в 97 году – просто пришла и поняла, когда увидела, что происходит. Почему мы должны сидеть в 4 стенках? Занятия могут вестись в залах музеев, как в Лувре – это когда мы ходим и видим, история искусства так преподается. Либо в Питере они сидят, костюмы зарисовывают. А художники и дизайнеры занятия проводят у Версаче, и Диора, и так далее, прямо в брендовых магазинах. Почему мы это не делаем? Я предложила нашему декану на тот момент и, хорошо, он пошёл на встречу, и мы стали это делать. Сейчас у нас есть производство «Зебра», которое делает спортивную одежду для наших спортсменов (Денис Тен, очень известные). Они разнопланово работают в нескольких направлениях, и постоянные участники СПМ, в Италию ездят, в Москву, очень активно развиваются. И я считаю, что занятия должны проходить не в закрытом пространстве, а в открытом; и они могут иметь различные виды. У нас это, как говорят, «дуальное образование». Это я читала и пробовала его делать, пробовала внедрить, я ходила, подписывала. Но, к сожалению, наш юрист в Жургенова говорит: «Вот это должно быть, вот это должно быть». И вот эти моменты у нас не стыкуются, к сожалению. Также каждый год я бываю на защите дипломных проектов в КазГАСА у дизайнеров одежды, там... Технологический, где выпускают дизайнеров одежды. К сожалению, вижу какие уровни дипломных работ. И вот мы активно обсуждаем с нашими коллегами, руководителями, что, да, нужно делать проекты именно... Вот со Свечниковой мы сделали, и сделали очень много. Это уже давно у нее всё реализовано: коллекции одежды спортивной для горнолыжников, а это как раз-таки и принты, и формы, и всё это разработано нашими студентами. От этого она оттолкнулась и стала делать уже разные виды. И фирма ADILI у нас: знаменитые платки в национальном стиле...

Светлана Кобжанова:

Можно вот узнать адрес магазина где можно это купить, раз уж вы об этом заговорили?

Гульнара Бекибаева:

У меня вообще такое желание (я и Муслиму писала) сделать какой-нибудь курс, либо вообще, мы уже тут прописали, что лучше школу дизайна делать. Потому что в академических рамках мы все загружены много бумагами, а лучше делать реальные проекты для реальных производств.

Асия Нурдубаева:

Мы сейчас все уволимся, наверное, да? И пойдём в какой-то новый дизайн университет, частный какой-нибудь.

Гульнара Бекибаева:

Нам нужно носить казахстанскую одежду. И у дизайнеров России, дизайнеров Украины и так далее – у всех одна общая головная боль, потому что считается, что дизайнеры во Франции, в Италии. Я с ними тоже работала, у меня есть такой опыт. С Испанией тоже проекты были. В чём разница нашей страны и по СНГ? В том, что у них образование идёт кластером вместе с работодателями. И дизайнер одежды - он не просто нарисовать эскиз, он должен и ткань придумать, и идёт креатив вместе с техническими моментами. Поэтому тут и химическая промышленность должна работать: краски и т.д. Это – совокупность; она должна быть кластером, а у нас, к сожалению, только в Южном Казахстане есть кластеры — вот где хлопок и всё. Даже вот тот же Юдашкин, тот же Вячеслав Зайцев они все вынуждены покупать ткани не в Иваново, а где они закупают? В Италии. И где наши дизайнеры: там Шабунин, Аида Кауменова и другие [закупают ткани]? Куда мы ездим? Мы опять-таки в Италию ездим. Поэтому это такой большой клубок и об одном образовании тут сложно говорить.

Асия Нурдубаева:

Гульнара Джамбуловна, а скажите у вас есть предложения? Вы их могли бы написать? А вы уже написали, да? Замечательно. Спасибо вам большое.

Я хочу сказать, что музыка и амплитуда веселья где-то повышается, а мы очень скромно тут сидим. Может быть уже кому-то танцевать хочется. Я хочу поблагодарить наших гостей за очень содержательные доклады. Это всегда новизна, это всегда открытие, когда приезжают люди из других регионов больших, хоть они нам и знакомы, мы все там учились, но всё же это всегда открытие. Спасибо вам большое. Я думаю, что те предложения, которые вы напишете, мы соберём и будет какая-то итоговая программа может быть. И фонд «Аспандау» мне сообщил, что это не последнее мероприятие, поэтому я думаю, мы ещё встретимся. Теперь слово Арнуру Арыстановичу.

Арнур Нуркатов:

Коллеги, я не долго. Уже думаю наверное я закончу, а то мы уже сидим 3,5 часа. Хочу поблагодарит спикеров нашего сегодняшнего круглого стола – Асию Руслановну за креативный доклад, несмотря на то, что не хватило технической составляющей, тем не менее, мне кажется это было очень интересно: и теорию пространственности, [о] кииз уй, ещё будет возможность, мы ещё не раз послушаем. Также Эркен Медатович, спасибо за то, что поделились своими мыслями о школе, о дизайне. Это было тоже очень содержательно и интересно. Хочу поблагодарить Юлию Сергеевну. Спасибо. Вы ещё и тьютор – это немножко для нас новое направление, но я думаю не только для меня, а вообще в целом. Мне кажется это тоже внесло некий интерес и нам было интересно послушать то, что вы рассказали. И те предложения, и то, что вы пытаетесь внедрить именно школу дизайна в Алматы, в Казахстане, мне кажется, это очень правильно и интересно, и Фонд поддерживает. И мы рады, что сегодня, можно сказать, историческая встреча произошла, на которой, как мы сказали, кто знает, может с этого и начнётся и школа дизайна, и институт дизайна. Потому что я понял, что сегодня люди, которые выступали это, конечно, академического толка люди все: профессора, ученые. Но тем не менее всех волнуют эти вопросы дизайна, вопросы современного подхода. Нет равнодушных людей. Это было очень интересно, познавательно. Я хочу сказать, что наш Фонд будет поддерживать и впредь проводить такие встречи по актуальным вопросам образования и культуры. Понятно, что на одной встрече мы не найдём какого-то одного решения и, наверное, никогда не найдём сразу. По крайней мере мы сегодня наметили какие-то подходы и эти подходы мне кажется очень важны. Это то, что не хватает и науке. О чем сейчас много говорит и министр науки и образования Саясат Нурбек о том, что наука должна быть популярной. И я считаю, что он очень правильно расставил акценты и в своём выступлении, и в своём подходе. Я считаю, что сегодня мы, мне кажется, сделали какой-то шаг в этом направлении; по крайней мере послушали друг друга, услышали друг друга. Сегодня было слышащее общество. Ну, видящее не получилось, к сожалению, но в любом случае было интересно. Хочу поблагодарить всех, кто пришел. Не смотря на музыкальное сопровождение. Я думаю, оно даже вселило некий колорит и оптимизм. Так что всем большое спасибо. Фонд «Аспандау» очень рад, и я думаю, что это не последняя наша встреча. Коллеги, всем спасибо.